

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№8 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №8 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 76.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.М. Саянова</i> ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ЦЕЛОЕ	5
10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	
<i>Р.Р. Валиуллина, И.А. Еникеев</i> КАЗАНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.ХАИРОВА И Р.БЕККИНА	11
10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА	
<i>Л.Р. Насыйхова</i> СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРОВ ТАТАРСКОЙ ГАЗЕТЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	15
<i>Чэнь Шаньшань</i> ЖЕНСКАЯ ПРОЗА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ	18
10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК	
<i>Н.В. Габдреева, М.А. Калашикова</i> ТИПОЛОГИЯ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИДИОСТИЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ	22
<i>Н.В. Коврыгина</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «КОСМОС» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	25
<i>Л.П. Колоколова</i> К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	28
<i>Ю.В. Марандич, Е.В. Меркель, В.С. Шишаева</i> К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ТОПОНИМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЖИГАНСКОГО УЛУСА	31
<i>Ян Фан</i> СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	34
10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	
<i>Ж.Г. Жигунова, Е.В. Шило</i> СИНОНИМИЯ ЭПОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	38
<i>О.В. Рамантова</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ “ОСОЗНАННОГО ПУТЕШЕСТВИЯ” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТРЭВЕЛ-ДИСКУРСЕ	42
<i>О.В. Рамантова</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ <i>SOMETHING</i> И НАРЕЧИЙ <i>SOMENOW, SOMEWHAT</i> В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ГОВОРЯЩЕГО О НЕОЖИДАННОМ И СТРЕССОВОМ ЖИЗНЕННОМ ОПЫТЕ	49
10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА	
<i>З.М. Габуниа, Э.Ю. Улимбашева</i> К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ И СУДЬБЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ	55
<i>С.Б. Какваева</i> ПРЕДИКАТЫ СОСТОЯНИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	58
<i>С.Б. Какваева</i> ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИЧНОГО СПРЯЖЕНИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	61
<i>О.С. Склярлова</i> КОНЦЕПТ ОДИНОЧЕСТВО КАК СМЫСЛОВОЙ ФОКУС ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА «АВИАТОР»)	64
<i>А.Я. Хусаинова</i> ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ	68
АННОТАЦИИ	71

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>A.M. Sayarova</i> ORIGINS OF FORMING OF DIALOGIC TYPE CREATIVE CONSCIOUSNESS AS THE WHOLE	5
--	---

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>R.R. Valiullina, I.A. Enikeev</i> THE KAZAN TEXT OF RUSSIAN LITERATURE IN THE WORKS OF A. KHAIROV AND R. BEKKIN	11
--	----

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>L.R. Nasyykhova</i> THE SYSTEM OF INFORMATIONAL GENRES OF THE TATAR NEWSPAPER OF THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	15
<i>Chen Shanshan</i> WOMEN'S PROSE IN MODERN RUSSIAN LITERATURE AND ITS NARRATIVE STRATEGY	18

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>N.V. Gabdreeva, M.A. Kalashnikova</i> THE TYPOLOGY OF NEW BORROWED UNITS IN CONTEMPORARY AUTHORS' IDIOSTYLE	22
<i>N.V. Kovrygina</i> FUNCTIONING OF «SPACE» CONCEPT IN ARTISTIC DISCOURSE	25
<i>I.P. Kolokolova</i> TO THE QUESTION ABOUT FUNCTIONAL-SEMANTIC MODELING OF WORD FORMATION	28
<i>Y.V. Marandich, E.V. Merkel, V.S. Shishaeva</i> TO THE PROBLEM OF ANALYSIS OF TOPONYMIC MATERIAL OF ZHIGANSKY ULUS	31
<i>Yang Fang</i> THE COMPARATIVE METHOD IN RUSSIAN LANGUAGE TRAINING TO THE CHINESE AUDIENCE (LEXICAL ASPECT)	34

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>Zh.G. Zhigunova, E.V. Shilo</i> SYNONYMY OF EPONYMS IN ENGLISH SOCIAL WORK TERMINOLOGY	38
<i>O.V. Ramantova</i> LANGUAGE ACTUALIZATION OF SLOW TRAVELLING IN ENGLISH TRAVEL-DISCOURSE	42
<i>O.V. Ramantova</i> THE FUNCTIONING OF PRONOUN <i>SOMETHING</i> AND ADVERBS <i>SOMEHOW, SOMEWHAT</i> IN THE SPEAKER'S STATEMENTS ABOUT NEW AND STRESSFUL LIFE EXPERIENCE	49

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>Z.M. Gabunia, E.Y. Ulimbasheva</i> TO THE PROBLEM OF RESTRUCTING OF THE POLITICAL SPACE OF THE REGIONS AND TO THE FATE OF THE MINORITY PEOPLES	55
<i>S.B. Kakvaeva</i> PHASE CATEGORY IN LAK LANGUAGE	58
<i>S.B. Kakvaeva</i> POLYFUNCTIONALITY OF THE PERSONAL CONJUGATION INDICATORS IN THE LAK LANGUAGE	61
<i>O.S. Sklyarova</i> THE CONCEPT OF LONELINESS AS THE SEMANTIC FOCUS OF THE TEXT IN THE ARTISTIC AND METAPHORICAL WORLDVIEW OF E. G. VODOLAZKIN (EXEMPLIFIED BY THE TEXT OF THE NOVEL "AVIATOR»)	64
<i>A.Ya. Khusainova</i> ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF TATAR TRANSITIONAL DIALECTS	68

ABSTRACTS	71
------------------	----

10.01.10

А.М. Саяпова д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Центр по изучению творчества Л.Н. Толстого,
Казань, Albina.Sayapova@kpfu.ru

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ЦЕЛОЕ

В статье рассматриваются истоки формирования диалогического типа творческого сознания как сочетание западного понимания мира с восточным. Дается сравнительно-сопоставительный анализ рационально-аналитического средневекового мистицизма Н. Кузанского с иррациональным религиозно-философским мистицизмом Ибн Араби. В философии Н. Бердяева усматривается движение от рационализма к иррационализму средневекового типа, близкого к мистицизму Ибн Араби.

Ключевые слова: *диалогический тип творческого сознания, мистицизм Н. Кузанского, мистицизм Ибн Араби, философия Н. Бердяева.*

Проблема изучения творчества русских классиков XIX века в контексте философско-эстетической и религиозной мысли как Запада так и Востока с целью более глубокого проникновения в творческий процесс (не только в свете русского ориентализма) продолжает оставаться актуальной в силу своего особого значения в геополитическом мире.

Наступивший век глобализации диктует необходимость изменения ракурса зрения в изучении творчества ведущих классиков русской литературы в контексте единства философии и эстетики Запада и Востока, осмысленного как фундамент целостности мира. Такое понимание мира может стать «языком» понимания глубинных пластов писательского сознания. Вместе с тем надо отметить, что формы отражения восточных культурных реалий и кодов в творчестве русских классиков занимают многих российских и зарубежных ученых. Об этом можно говорить, например, называя имена достоевцев (П.В. Алексеев, Г.А. Ашитова, А.Б. Махмадияров, Г. Краснова, М. Футрелл, Д. Томпсон, С. Янг и др.).

Начнём с того, что гении человечества осознанно или интуитивно чувствовали единство мироздания. Запад и Восток – понятия не только отдельные, но и взаимосвязанные, взаимообусловленные, они представляют амбивалентность мира как Целое. Западная культура XIX и XX веков как цивилизация с новым типом восприятия и толкования мира осознавала свою генетическую связь с восточным миром. Превосходно выразил подобное восприятие мира в XIX веке И.-В. Гёте в своем творчестве, а в XX веке философ М. Хайдеггер. Проникая в глубинные пласты природы человека, он говорит о единстве Запада и Востока на уровне сущностного «я» человека. Т. П. Григорьева, востоковед нашего времени, в суждениях Хайдеггера видит встречу двух культур – Востока и Запада. Его философия исключает метод анализа и синтеза, что, по мнению Григорьевой, сближает её с восточным путём познания, как со-переживание в неразделенности субъекта-объекта. Опыт познания восточной философии привёл западного учёного к осмыслению того, что истина открывается целостному уму, в котором большую роль играет восприятие сердцем [3, с. 274].

С целью осмысления этой истины, открывающейся, как справедливо замечает исследователь творчества Хайдеггера, «целостному уму», представляется необходимым обращение к истокам формирования нового типа сознания. Уже переломная эпоха позднего Средневековья дала нам образец понимания единства мироздания как Целое. Так, идеи греческого богослова Георгия Трапезундского, философа, ритора и переводчика, деятеля раннего итальянского Ренессанса, выраженные им в обращении к турецкому султану Мехмеду II Завоевателю (1451-1481), захватившему 29 мая 1453 г. Константинополь, были

для своего времени смелыми как в политическом, так и в богословском отношениях [9]. И в наши дни идеи греческого богослова могут поразить читателя своим актуальным значением. Этот средневековый богослов находит много общего между двумя религиозными воззрениями на мир. В своём послании «Эмиру в то время, когда он захватил [град] Константина» он, обращаясь к турецкому султану Мехмеду II Завоевателю, пишет: «... если кто-то эти два человеческих рода, я имею в виду христиан и мусульман, к одной вере и одному исповеданию приведёт, то я клянусь Богом небес и земли, что его будут прославлять среди всех людей, [будут славить его] на земле и на небе и что он перейдёт в разряд ангелов» [9, с.105]. И. А. Мансуров в предисловии к работе Георгия Трапезундского, помещённого в сборнике «Камень веры. Духовное наследие Христианства и Ислама», комментируя труд Трапезундского, подчёркивает его главное достоинство: в нём «предпринимаются попытки создания универсального мировоззрения нового типа, во многом отвечающего переживаниям современного “глобального” мира» [9, с. 101].

Аль-Фараби (870-950), основоположник арабской средневековой исламской философии, комментатор трудов Аристотеля, условием создания «праведного города», города нового типа, новой цивилизации, проводя параллели с идеями других известных утопистов (Платона, Кампанеллы, Ф. Бэкона, Ш. Фурье, Э. Кабэ, О. Хаксли и др.), выдвигает положение о необходимости «совершенной религии», опирающейся на философию. По его мнению, западная культура, основанная на политике «невежественного общества», т. е. общества, закабалённого религией, не имеет истинной веры и потому не может претендовать на создание подобного города (См. об этом: [1]). Иранский учёный Ризо Довари Ардакани, исследуя воззрения арабского мыслителя Аль-Фараби, приходит к мысли о том, что особенностью средневековой философии не являлось её соответствие традиционному религиозному миропониманию: «в ней право выбора критерия истины оставлялось за Богом, конечным источником и властелином мироздания» [1, с.106].

Таким образом, как утверждает Ардакани, в философии Средних веков, в частности, в исламской философии, религия (в толковании Фараби «совершенная религия») занимала важнейшее место: философия воспринималась как «подтверждение божественных законов и традиций» [1, с. 106].

Крупнейший российский востоковед А. В. Смирнов, руководствуясь философскими соображениями, на примере двух средневековых философов мистицизма, Николая Кузанского (1401-1464) и Ибн Араби (1165-1240), говорит как о глубинном тождестве двух типов рационализации мистицизма, так и различиях в понимании мира и человека в нём [7]. Общим основанием мысли Н. Кузанского и Араби является, по мнению ученого, «два тесно сопряжённых тезиса: утверждение неопределимости Бога и положение о том, что мир не есть Бог, но не есть и нечто отличное от Бога» [7, 156]. В своих рассуждениях Смирнов исходит из аксиоматического утверждения того, что в философии Ибн Араби Бог может быть осмыслен как абсолютное Всё мира, в философии Кузанского – абсолютное Ничто мира. («Ничто мира», «Всё мира» – термины А. В. Смирнова). Отсюда неопределимость Бога может быть понята двояко: божественное Ничто эксплицируется как мир, божественное Всё отображается как мир [7, с.158]. Отношение между Богом и миром в понимании Н. Кузанского, как считает Смирнов, не может быть осмыслено иначе, как отношение «свёрнутость – развёрнутость»: «Те состояния, которые развёрнуты в мире, пребывают свёрнутыми в Боге. Это не значит, что свёрнутость превращается в развёрнутость, нет, свёрнутость так и остаётся в-самой-себе никогда не развёрнутым богатством возможностей. Она – идеально найденный логический первоисток, из которого могут родиться все возможности, все развёрнутости, весь континуум мира, но который так и пребывает свёрнутым» [7, с. 158]. Суждения Н. Кузанского сводятся к следующему: «мир – не Бог потому, что ни в каком из развёрнутых состояний мира не развёрнута вся свёрнутость; но он и нечто отличное от Бога потому, что мир есть развёрнутость именно божественной свёрнутости, и ничто иного» [7, с. 158]. Средневековый философ в своём мистическом учении оперирует понятием «ум», который выражает способность человека открыть в самом

себе то свёрнутое первоначало, то Ничто мира, которое разворачивается в бесконечном мироздании. Поэтому мышление для нашего ума оказывается понятием о вещи: «в человеческом уме уже есть всё то, что он может найти вне себя; и всё, что усматривается умом, есть истина вещей. При том, конечно, условии, что это действительно ум, т. е. что человек сумел уподобиться свёрнутому первоначалу, Ничто мира» [7, с. 164].

Толкование тезиса Ибн Араби о неопределимости Бога, по мнению Смирнова, полярно учению Н. Кузанского: «Согласно арабскому мыслителю, Бог определяется всеми определениями, а формы мира не поддаются упорядочению и не могут быть объяты. Бог у Араби не до, а выше всякого предела, выше, потому что вбирает в себя абсолютно все пределы, Бог – это Всё мира. Мир и Бог сущностно едины: мир – лишь отображение тех возможностей, которые есть в Боге» [7, с. 165]. (Напомним, уже у Фараби, «бытие – Бог, именно Он даёт вещи существование» [1, с. 107]). По учению Ибн Араби, «каждое состояние мира есть отображение некоторой неизменной вечностной полноты бытия, и это отображение не длится (не пребывает)» [7, с. 171]. И далее: «Чтобы познать отображение, нужно познать отображаемое. Отображаемая как мир божественная полнота бытия доступна человеку: он может открыть её в самом себе, поскольку сам человек – полное отображение Бога. Но это откровение означает, что человек перестает быть отображением и становится отображаемым: нельзя познать мир, принадлежа этому миру» [7, с. 172]. А.В. Смирнов, выражаясь языком нововременной европейской философии, утверждает, что истинное познание, по учению Араби, невозможно для субъекта: «человек должен стать всесубъектом, растворив в себе весь объектный мир» [7, с. 172].

У Н. Кузанского же, рассуждает ученый, «человек принадлежит миру, но он перестаёт быть микрокосмом: микрокосмична, собственно говоря, любая вещь, раз в любом сущем нераздельно и полно присутствует единая закономерность мироздания» [7, с. 170]. И в заключении: «переставший быть микрокосмом человек мог быть противопоставлен миру, а субъект и объект могли стать независимыми друг от друга» [7, с. 172].

Философия Ибн Араби, напротив, доводит средневековое понимание человека как микрокосма до абсолютного: «мироздание оказывается не вне, а полностью внутри человека, он становится всесубъектом» [7, с. 172]. Человек, по учению Ибн Араби, может открыть абсолютную истину мироустройства, но это, как утверждает А.В. Смирнов, «совсем иная истина, нежели та, что была возведена европейской философией Нового времени» [7, с. 172].

К мысли об «иной истине», сравнивая два типа мистического философствования, Ибн Араби и Николая Бердяева (1874-1948), востоковед подводит в более поздней своей работе «Путь к истине: Ибн Араби и Николай Бердяев (О двух типах мистического философствования)» [8]. Отправным посылом в сравнении двух типов мистического философствования, на наш взгляд, стало то, что мистическая философия Н. Бердяева в основных своих постулатах возводима к учению Н. Кузанского.

Как Н. Кузанский, так позже Н. Бердяев, говорят об истине, которая творима человеком. Н. Бердяев видит истину как «просветлённый, преображённый, освобождённый человеком мир, как всеединое бытие, в котором свободным и активно творящим его центром стало человечество» [8, с. 203]. Но для того, чтобы преобразовать мир, освободить его от всего тёмного, по убеждению Бердяева, нужен человек нового духовного типа, «Абсолютный Человек», человек как образ и подобие Божьего: «Новый Адам знаменует собою более высокую ступень космического творческого развития, чем Перво-Адам в раю» [2, с. 92].

Для Ибн Араби истина – это мир: «всё видимое и переживаемое человеком является состоянием истины, а потому наибольшее, чего он может достичь – это реализовать в себе эти состояния наиболее полно, сполна стать истиной» [8, с. 203]. По учению арабского философа мистицизма, истина в самом человеке: «человек есть ипостась истины, и то, что он называет собственной волей, на самом деле неотъемлемо от истины» [8, с.185]. И каждый человек «становится именно тем, чем дано ему стать, – дано, однако, не кем иным, как самим человеком, ведь истина и есть человек» [8, с. 185].

Следовательно, для Ибн Араби стать истиной значит растворить своё «я» в макромире (Истине) – растворить, поскольку оковы «я» ограничивают человека, мешают ему достичь субъект-объектной неразделённости в постижении истины. Для Бердяева же стать истиной – значит до конца осуществить своё человеческое с тем, чтобы приблизиться к понятию «Абсолютный Человек в преобразовании мира».

Итак, уже точечный обзор философско-религиозной мысли Средневековья говорит нам о том, что желание найти не только различия, но и общее между Западом и Востоком (имеем в виду прежде всего исламский Восток) в понимании человеком мироустройства характерно уже для мыслителей этой эпохи. Данное положение мы воспринимаем в качестве основного посыла в формировании контекста нашего исследования. Важно для нас то, что именно средневековая философская мысль представляет понимание человечества в его двух ипостасях – западном и восточном, в чём-то перекликающихся, в чём-то очень отличных друг от друга.

Вместе с тем анализ средневековой религиозно-философской мысли говорит нам об архетипических, глубинных корнях двух типов творческого мышления: мышления, в котором доминирует рационально-аналитический взгляд на мир, идущий от сознания (ума), и мышления иррационального, мотивированного духовно-душевым началом в природном «я» человека. Можно сказать, что первый тип творческого мышления представлен в основных положениях средневекового мистицизма в лице Н. Кузанского, в Новое время – в лице Н. Бердяева: оба говорят об истине, которая творима человеческим умом, творящим центром истины стал человек (по Н. Бердяеву, «Абсолютный человек»). Второй тип творческого мышления, который тоже корнями уходит в глубь философской мысли человечества, может быть осмыслен через средневековый религиозно-философский мистицизм, ярким представителем которого является великий шейх суфизма Мохиддин Ибн Араби.

Россия в силу своего геополитического и культурно-исторического определения является страной, в которой генетически переплетается восточное с западным. Рациональное в национальном сознании России как необходимое для прогресса, социально-экономического развития тянет её к Западу, иррациональное, духовное, душевное, определяя её вторую ипостась, во многом роднит её с Востоком. Яркие примеры родства русского поэтического мышления с восточным мистицизмом, воспринятом через западную поэзию, мы видим в творчестве А. А. Фета, Ф. И. Тютчева (См. об этом: [4, 5]). Так, например, стихотворение «Тени сизые смесились...» Тютчева – ярчайшее тому доказательство. Кульминационная точка этого стихотворения – «Всё во мне и я во всём!» – содержит восточное мистическое познание мира с преодолением субъект-объектной разделённости, или, по-другому, со всесубъектностью (См. об этом: [5, 6]). Известно, что Запад в своём культурно-духовном выражении много черпал из восточного мира. Доказательством тому является, например, творчество Гёте, Гейне, Байрона. Образно-поэтическая система западной поэзии XIX века, определившая всю последующую мировую литературу, в том числе русскую, сложилась не без влияния Хафиза, Хайяма и других восточных поэтов. В свою очередь, западная поэзия в лице Гёте, Гейне и стала проводником восточной образной системы в русскую поэзию.

Любопытно заметить, что русского философа XX века Н. Бердяева, начертавшего рационально-мистическую формулу «Абсолютного человека» нового времени как образа и подобия Божьего, привлекло творчество Ф. И. Тютчева, в котором он видит мистическую интуицию будущего России как «сумерек ночи». Подчёркивая отличие тютчевской метафоры от образа сумерек у символистов, Бердяев имеет в виду своё время, время революции и наступающего социализма, которое он определяет как «реакционное», как «гниение разложившихся элементов старого мира» [2, с. 413]. Если символисты, по мнению философа, ошибочно понимали «сумерки» как «зарю» нового времени, то в его толковании Тютчев – «поэт ночной стихии» – предчувствовал грядущую «эпоху ночную» [2, с. 408]. Комментируя стихотворение Тютчева «День и ночь», он пишет: «Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в

событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную» [2, с. 408].

По Бердяеву, человек в свете дня, как «человек, живущий на поверхности, может стосковаться по приобщению к первоистокам бытия» [2, 410]. Вернуться к «первоистоку бытия» человек сможет, если он сможет сформировать общество «нового средневековья». Новым средневековьем Бердяев называет «ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа» [2, с. 410]. То, что называется Новой историей, как считает Н. Бердяев, начинается с эпохи Возрождения и развивается до XX века, когда «антропологическое сознание гуманизма» достигает свои вершины [2, с. 102]. «Гуманистический позитивизм, – утверждает Бердяев, – хочет покончить с сознанием принадлежности человека к двум мирам. Нет другого мира, и человек целиком принадлежит к этому единому миру и в нём должен искать себе счастья. Но в этом мире человек – раб необходимости, бесконечно малая часть огромного механизма природы. Натурализм и позитивизм окончательно принижают человека, отрицают человека...» [2, с. 103]. Таким образом, по мнению Бердяева, гуманизм перерождается в антигуманизм, поскольку он отрицает человека.

Именно по этой причине, – считает Н. Бердяев, – необходимо «новое средневековье», поскольку «все привычные категории мысли и формы жизни самых “передовых”, “прогрессивных”, даже “революционных” людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего. <...> Скоро для всех будет поставлен вопрос о том, “прогрессивен” ли “прогресс” и не был ли он часто довольно мрачной “реакцией”, реакцией против смысла мира, против подлинных основ жизни» [2, с. 411]. Сказанное Н. Бердяевым почти буквально перекликается с мыслями его западного современника М. Хайдеггера, который время «постава», время цивилизации, урбанизации, воспринимал как время духовного упадка человечества, время потери человеком своих первоистоков [10].

На наш взгляд, многие положения рассуждений Н. Бердяева о философии творчества, культуры свидетельствуют об отказе от рационализма новой истории в пользу иррационализма, близкого к мистицизму средневекового типа, представленному, в частности, Ибн Араби. Признавая в себе «почти манихейский дуализм», который, с одной стороны, диктует желание свободы от мира, с другой – тягу к почти пантеистическому монизму, во Введении к своей работе «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» он тезисно излагает ряд своих суждений, близких к иррационализму средневекового типа: «Мир божествен по своей природе. Человек божествен по своей природе. Мировой процесс есть самооткровение Божества, он совершается внутри Божества. Бог имманентен миру и человеку. Мир и человек имманентны Богу. Всё совершающееся с человеком совершается с Богом» и т. д. [2, с. 43].

Рассуждения Н. Бердяева о переходе от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа, а также резонансные переключки его мыслей с онтологическими суждениями М. Хайдеггера о единстве человечества в выражении сущностного «я» человека, дают нам возможность рассуждать о мире как Целом, воспринимая Восток и Запад в их единстве (См., например, работу Хайдеггера «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» [11]). Сочетание западного с восточным, своеобразный диалогизм двух творческих мироощущений, миропониманий как Целое характерен не только для поэзии, европейской и русской, но и для русской прозы. Представляется весьма перспективным изучение отдельных аспектов этого диалогизма на примере в первую очередь творчества двух мэтров от русской литературы – Ф.М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Задача огромнейшая. Мы же пока претендуем только на постановку проблемы формирования нового типа творческого сознания в его религиозном, философско-эстетическом содержании. Изучение творческого сознания русских писателей в свете диалогического творческого сознания, осмысленного как Целое, даст возможность более широкого понимания семантических пластов трудов русских классиков в контексте единства философско-эстетической и религиозной мысли Запада и Востока.

Список литературы

1. *Ардакани Ризо Довари*. Фараби – основоположник исламской философии / пер. с персидского. – М.: ООО «Садра», 2014. – 132 с.
2. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994. В двух томах. Т. 1. – 544 с.
3. *Григорьева Т.П.* Дао и логос (встреча культур). – М.: Наука, 1992. – 320 с.
4. *Саяпова А.М.* Диалог творческого сознания А. А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). – М.: Флинта-Наука, 2010. – 159 с.
5. *Саяпова А.М.* Реальный и возможный диалог творческого сознания Ф. И. Тютчева с Западом и Востоком. – М.: Флинта-Наука, 2016. – 160 с.
6. *Саяпова А.М.* Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Алма-Лит, 2006. – 246 с.
7. *Смирнов А.В.* Философия Николая Кузанского и Ибн Араби: два типа рационализации мистицизма // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока. М.: Наука, 1993. – С. 156-176.
8. *Смирнов А.В.* Путь к истине: Ибн Араби и Николай Бердяев (О двух типах мистического философствования) // Камень веры. Духовное наследие Христианства и Ислама. – М.: Волшебная гора, 2011. – С. 175- 203.
9. *Трапезундский Г.* Об истинности христианской веры // Камень веры. Духовное наследие Христианства и Ислама. – М.: Волшебная гора, 2011. – С. 101-106.
10. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Феноменология. Герменевтика. Философия языка. – М.: Гнозис, 1993. – С. 135-167.
11. *Хайдеггер М.* Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие / Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. – С. 273-302.

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Р.Р. Валиуллина, И.А. Еникеев канд. филол. наук

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел литературоведения,
Казань, kamalievvar@list.ru

**КАЗАНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ А.ХАИРОВА И Р.БЕККИНА**

Статья посвящена проблеме формирования казанского текста. На примере творчества А.Хаирова и Р.Беккина Казань представлена как особое толерантное семантическое пространство. Многоконфессиональность и полиэтничность города формируют казанские мифологемы, которые участвуют в создании казанского текста.

Ключевые слова: *казанский текст, национальные образы, идентичность, рассказ, А. Хаиров, Р.Беккин.*

Изучение городского текста является важной проблемой современного литературоведения, так как в общекультурном поле регионального сверх текста происходит формирование современной национальной идентичности. В отечественном литературоведении интерес к городским текстам возник более 80 лет назад, когда были опубликованы работы Н. П. Анциферова о литературных образах Петербурга. В 1984 г. состоялся выпуск «Трудов по знаковым системам», включавших в себя концептуальные для изучения городских текстов статьи Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова. В России урбанистические исследования в значительной степени обязаны трудам тартуско-московской семиотической школы и масштабному проекту питерских ученых «Метафизика Петербурга» (реализация проекта началась с 1992 г.). В начале нового столетия центры изучения городской культуры возникли в Воронеже, Саратове, Новосибирске, на Украине и в Казахстане» [6: 32] Город Казань – столица Республики Татарстан – имеет долгую и давнюю историю упоминания и выписывания его облика в произведениях художественной литературы разных народов и эпох. Данная тема нашла свое воплощение на страницах многочисленных краеведческих изданий и художественных альбомов. Среди наиболее близких к филологии изданий следует упомянуть сборник «Казань в художественной литературе» (составители В.В. Аристов, А.Г. Каримуллин, В.А. Климентовский) [5: 5]. Собранные в указанных изданиях фрагменты произведений, осколочные текстовые образования позволяют говорить о художественном облике города Казани в творчестве писателей и, в целом, в русской и татарской литературах, как устойчивом идейно-художественном лейтмотиве, поднимающемся до статуса собирательного образа. Наиболее значимо данный подход проявился в статье, известного специалиста в области региональных сверткестов Шафранской Э.Ф. «Мифология Казани в прозе А.Хаирова», где она обозначила проблему «тиражирования сигнатур города (в том числе и мифологических) всеми, пишущими о Казани» [8: 96]. В статье рассмотрено творчество современного казанского писателя Аделя Хаирова. В трех произведениях - «Казань - Курочки», «Одна улица на двоих», «Буфет Йозефа» - представлена мифология казанского текста русской культуры. Его проза продолжает развивать существующий в русской культуре прецедент казанского текста - воплощать мифологию города, рефлексирова в контексте хрестоматийных казанских сюжетов - как из художественных произведений, так и из биографий прославленных писателей. Степень изученности данной темы крайне невелика. Помимо упомянутой выше статьи Шафранской Э.Ф. следует выделить статью Г.И. Зайнуллиной «Программирующая

мощь казанского текста» [3: 208]. В ней автор описывает семантическое пространство казанского мифа как оппозицию двух сакральных локусов, существующих в метатекстах, соответственно, русской и татарской культур. В поисках символических структур Казани Г.Зайнуллина выделяет верхнюю и нижнюю части города и представляет несколько семантических маркеров как составляющих элементов казанского словаря. Во-первых, это слова-эндемики как последствия двуязычия, во-вторых, маркеры ориентального экзотизма, затем мусульманские клише речевого общения (благопожелания и соболезнования), в-четвертых, особый русско-татарский человеческий состав этого города. [3:217]. Г. Зайнуллина более детально расшифровывает указанные компоненты городского текста Казани и отмечает татарские глоссы и интерференции, каламбурную этимологию татарских топонимов, экзотические артефакты и национальную кухню. [3: 208-219].

Образ Казани является знаковой темой для русскоязычных татарских писателей. Он проходит лейтмотивом в творчестве писателей старшего возраста: Р.Кутуя, Р.Бухараева, Р.Сабирова, А.Сахибадинова, Р.Галимова. В произведениях следующего за ними поколения прозаиков он получил новые оттенки и звучания. Прежде всего это рассказы А.Хаирова и Р.Беккина. Мифологемы Казани, сформировавшиеся в творчестве писателей старшего поколения, были связаны с культурой советского общества и более ранней классической традицией. В 1990-е годы начался процесс формирования нового субъекта литературы постколониального, постимперского периода. Указанный субъект (герой и персонажи) характеризуется мультикультурностью и как написал М.Эпштейн, мы наблюдаем «процесс диффузии культурных идентичностей, рассеивание символических значений одной культуры в другой». [9: 242-243] К началу 2020-х годов этот процесс приведёт к неоднозначным и даже негативным результатам. Но пока в творчестве А.Хаирова и Р.Беккина появляется новый гибридный герой эпохи перемен. Писатель Ренат Ирикович Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. В 2007-2012 гг. был главным редактором литературно-философского журнала «Чётки». Автор романов «Ислам от монаха Багиры» и «Хава-ля», цикла рассказов «Казанские истории» (2016). Профессор Российской академии наук, правоверный приверженец ислама. Главный герой его казанских рассказов сформирован новой реальностью и в нём нет ничего от советского прошлого. В рассказах присутствуют реальные топосы Казани: Старо-Татарская слобода, набережная Кабана и прилегающие к ней улицы, то есть исторически сложившийся локус татарской культуры. Но автор переводит эти историко-культурные реалии в плоскость фольклорного текста, напоминающего сюжетные схемы анекдотов про плутовских персонажей. Главный герой рассказов – русский преподаватель Евгений, принявший ислам и женатый на татарке Нурсие, всё время попадает в комические ситуации. Парадоксальное сочетание высоких исламских ценностей и нелепой реальности изумляет и самих персонажей и читателей. Особенно это шокирует в сценах с животными. Например, дворовый кот Марджани, предсказавший несчастье (грабители сломали Евгению уникальное прямое ребро, про которое местный врач собралась написать диссертацию); уличная собака, сначала укусившая героя, а затем не отпускавшая его до тех пор, пока он не прочитал все молитвы из священной книги. Или история, когда герой ест огромного пойманного сома, а внутри обнаруживает кольцо со словами молитвы, принадлежавшее утонувшему дяде Евгения. Комизм ситуаций заключается в том, что персонажи пытаются следовать проповедуемым нормам добродетели, но всё это приводит к непредвиденным последствиям. По замыслу автора исламские ценности ещё не внедрились в сознание и души людей, а являются для них новыми инструментами жизни. Евгений усвоил внешние мусульманские ритуалы, но как жить с ними в реальном мире он не знает: «Женя решил, что настоящий мусульманин должен всё на свете делать ради Аллаха». [1: 138]С помощью этой кодовой фразы он сделал предложение будущей жене Нурсие. И когда к нему с подобными словами обращается студентка, возжелавшая ради укрепления своего слабого имана, стать его второй женой – он соглашается. («Слабый иман») Названия рассказов звучат как ориентальная экзотика: Внутренний хиджаб, Рамазан, Слабый иман, Укус Джинна. В тексте представлены татарские, турецкие, арабские слова, вплоть до русских,

татарских и среднеазиатских ругательств, вполне понятных жителям Казани, но непривычных для русского читателя. Тем не менее заметна театральная условность представленных сюжетов, не смотря на их логическую завершённость. Заметно, что писатель использует городские реалии только как декорацию для своих персонажей. Именно такой законченности фабулы нет в городских рассказах А.Хаирова, но в плане достоверности фактуры и живописности повествования он в лучшую сторону отличается от Р.Беккина.

Как написала критик Г.Зайнуллина: «Адель Хаиров по праву считается самым интересным казанским прозаиком второй половины «нулевых». Все его произведения последних лет: повесть «Суконкин сын» («Казанский альманах», 2007), роман «Золото и Г.» («Октябрь», 2008), поэма «Казань – Курочки» («Октябрь», 2009), поэма «Завязь» («Идель», 2009), - получили восторженную оценку. Чтение прозы Хаирова доставляет невероятное текстовое удовольствие: она метафорична, аллюзивна и при этом раблезиански антиромантична и вульгарно жизнелюбива». [4:35] Основным героем выступает представитель деклассированной богемы, сумбурный по своему внутреннему настрою и внешнему поведению: «В чём-то юмор Хаирова сродни плебейскому (бравирующему эксцессами обжорства, пьянства и похоти), но всё же его «всесмешливость» ближе к понятию рафинированных эстетов о некоем «вечном смехе». Смех Хаирова не является сатирой на язвы общественной жизни, а имеет самодовлеющее значение: излечивает печаль, делает независимым от зла жизни». [4: 35] Но это лишь одна из внешних сторон личности писателя, другая, может быть более значимая, связана с историями о казанцах и старом городе, любви и одиночестве, поисках смысла жизни и самого себя. Писатель создал множество разнообразных сюжетов – лирических, романтических, ностальгических, драматических, мистических, сюрреалистических. Как написано в аннотации к его первой книге: «Адель Хаиров на протяжении многих лет собирал в блокнот интересные характеры, которые ему встречались в городе и деревне, чтобы сохранить их в своих рассказах как редкие экземпляры – украшение земли татарстанской». [7: 2] Сам писатель в одном интервью так сказал об этом: «Я раскрываю татарский мир для других народов, проживающих здесь и говорящих на русском языке. У меня рассказы пропитаны казанским светом, в диалогах возникают татарские слова и фразы. Я чувствую токи родной земли, я вырос под нашим солнцем!» [2: 84] Казалось бы поэма А.Хаирова «Казань – Курочки» является откровенным ремейком произведения русского писателя В.Ерофеева «Москва – Петушки» (1969) и даже сюжет путешествия на пригородной электричке совпадает. Но взяв внешнюю форму, А.Хаиров не последовал за эстетической концепцией В.Ерофеева, включающей эсхатологическую и политически-пародийную проблематику. За текстом казанского писателя стоит глубокое знание местной этнографии и обычаев, прочувствование людей разных национальностей, живущих на земле Татарстана. Если Р.Беккин иронично и с сарказмом рефлексировал в контексте литературно-назидательных и фольклорно-анекдотических сюжетов, подкреплённых образом современного Ходжи Насреддина – исламизированного русского Евгения, то А.Хаиров через описание мифологем Казани выступает бережным посредником между разными ментальностями и разными этническими ценностями. Правда, исследовательница Э.Шафранская включает А.Хаирова в общероссийский контекст и пишет, что «в русской литературе 20-21 вв. появился феномен – иноэтнокультурный текст». [8: 96] Этот текст создаёт для русских представление о другом народе, культуре, мире и писатели этой ниши являются иноэтнокультурными переводчиками между разными этническими ценностями и ментальностями в билингвальной среде. Для них характерно ощущение виртуальной принадлежности многим культурам. Отсюда возникает соблазн выбирать и смешивать элементы разных культур, превращая их в свой автопортрет или портрет нации, и осуществлять по произволу автора самочинное этническое конструирование, задевающее чувства людей.

Национальные татарские мотивы в более серьёзном ключе представлены в нескольких рассказах А.Хаирова. Наиболее показательным является рассказ «Подкова Тамерлана», написанный от лица городского подростка, наблюдающего жизнь татарской деревни: «Подобрав подкову на обочине, я размечтался, представляя себе играющие на солнце мускулы чёрного аргамака, который жевал ромашки. Лепестки залепили ему губы. Скинув железо с копыт, он рванул в степь вместе с майским ветром. Имя появилось сразу – Тамерлан! Когда я заканчивал школу, телеги с татарами куда-то пропали. И осталась у меня от того времени и мифического народа лишь истёртая подкова.» [7: 16] Для воссоздания татарского колорита А.Хаиров пользуется традиционными приёмами ориентализма, расцвечивая повествование экзотическими артефактами, национальной кухней, словесными каламбурами. В них прочитывается историко-культурный подтекст о слиянии до неразличимости двух культур. А.Хаиров продолжает традицию другой русской литературы – её иноэтнокультурного текста, а потому проблема гибридной идентичности становится одним из лейтмотивов его творчества.

Список литературы

1. *Беккин Р.И.* Казанские истории // Нева. – 2016. – № 8. – С. 131-149.
2. *Давлетишина А.* -Бойтесь писателей, они вас заберут в свой рассказ и там зарежут!: [А.Хаиров стал победителем Литературной премии журнала "Татарстан". Беседа с писателем] // Татарстан. – 2018. – № 1. – С. 84
3. *Зайнуллина Г.И.* Программирующая мощь казанского текста (Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадинова, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина) // Нева. – 2019. №3. – С. 208-219.
4. *Зайнуллина Г.* Четырнадцатый круг: [литературная критика на поэму А.Хаирова "Тринадцать кругов Рая и Ада"] // Идель. – 2010. – № 1. – С.35
5. Казань в художественной литературе: [Сборник] / Сост. В.В. Аристов [и др. ; Предисл. Г. Ахунова; Худож. Альмеев Н.У. - Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – 213 с.
6. *Потанина Н.Л., Гололобов М.А.* Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012, С. 32-37.
7. *Хаиров А.Р.* Играй, не знай печали. - Казань: Татарское книжное издательство – 2019.- 239 с.
8. *Шафранская, Э.Ф.* Мифология Казани в прозе Аделя Хаирова / Э.Ф. Шафранская // Вестник Северного (Арктического) федерального университет. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2014. – №1. – С. 95-103.
9. *Эпштейн М. Н.* Философия возможного // СПб. – 2001. – 334 с. – С. 242-243.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

Л.Р. Насыйхова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра национальных и глобальных медиа,
Казань, lgaile@bk.ru

**СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРОВ ТАТАРСКОЙ ГАЗЕТЫ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В данной статье предпринимается попытка систематизации и анализа информационных жанров татарской газеты периода Великой Отечественной войны на примере газет «Ватан өчен» («За Родину»), «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), «Сталин сугышчысы» («Сталинский воин»), «Фронт правдасы» («Фронтовая правда»). Из всех информационных жанров в рассматриваемых газетах чаще всего встречаются заметки, очерки, репортажи.

Ключевые слова: газетный текст, публицистический текст, информационные жанры, жанры газетного текста, заметка, очерк, репортаж.

Публикации в газетах, как известно, различаются своим содержанием и формой. Один из важнейших элементов формы публикации – ее жанр. «Жанр журналистского произведения это – устойчивые особенности его содержательно-тематических характеристик: отображаемой действительности, композиции, стилистики» [2]. Эти особенности жанра не зависят от воли журналиста. Выбрав какой-либо жанр для своей публикации, журналист должен придерживаться его особенностей и возможности. В формировании набора характеристик публицистических текстов, предопределяющих их жанровую принадлежность, значительную роль играет метод отображения действительности.

По традиционной точке зрения в журналистике существуют три главных способа отображения: фактографический, аналитический и наглядно-образный. Фактографический способ ставит целью фиксацию внешних, очевидных характеристик явления, дает краткие сведения о предмете. Аналитический способ – выяснение скрытых взаимосвязей предмета отображения. Наглядно-образный способ отображения действительности нацелен на эмоционально-художественное обобщение познанного.

Функция жанра имеет важное значение. Назначение заметки – сообщение новости, оперативной информации. Назначение репортажа – рассказ о событии его очевидца или участника. Назначение корреспонденции – анализ конкретной ситуации. Когда журналист намерен создать публицистический образ человека, он выбирает жанр очерка. Когда ему нужно выступить против социального зла, раскрыть отрицательные черты характера человека, он избирает жанр фельетона. Журналист знает или интуитивно постигает целевое назначение различных жанров и обращается к ним в соответствии с задачей, которую должен решить. В данном случае журналистика решает следующие задачи: сообщение фактов; анализ, интерпретация фактов, событий, явлений; изображение фактов, событий и явлений. В свою очередь информационные материалы – констатируют, аналитические – осмысливают и обобщают, художественно-публицистические – типизируют реально-документальную действительность.

Что касается публицистики времен Великой отечественной войны, то она разнообразна. Некоторые из публицистических материалов военных лет сообщали известия в краткой форме (Геройларга дан! / Слава героям! и др.) [1]; более эмоционально передавали наиболее важные детали события (репортаж «Немец самолетларын жинүче», «Сержант Хәким Уразбаев», «Һөжүм орышында атлы гаскәрнең хәрәкәте» [3; 6; 8] и т.д.

В заметке журналист старается быстрее сообщить читателю актуальную новость. Это определяет её структуру: заметка представляет собой своеобразную перевернутую пирамиду – начинается с опорного факта, содержащего новость, и далее она детализируется. Такое построение текста облегчает его восприятие и при необходимости его сокращение. Стремление обеспечить оперативность передачи читателю информации, содержащейся в заметке, ограничивает ее объем: обычно она не превышает двух-трех десятков строк, нередко ограничивается в предельно лаконичном оперативном сообщении – разновидности этого жанра – всего одним-двумя предложениями. Например: «Сын-герой татарского народа; летчик-истребитель авиачасти Н комсомолец Ахметхан Султанов в воздушных боях над Сталинградом уничтожил 5 истребителей врага и сбил одного бомбардировщика своим самолетом. К тому же, в групповых боях, уничтожил 18 самолетом противника» (заметка «О летчике-истребителе Ахметхане Султанове») [4].

От автора заметки не требуют подробных описаний и характеристик. Но он обязан ответить на «триаду» вопросов: Что произошло? Где произошло? Когда произошло? Иногда к этому присоединяют ответ и на четвертый вопрос: Кто участвовал в событии? Этого достаточно для сообщения новости. Например: «К концу сражения вышел из строя расчет пушки против танка. Возле орудия остался только я. Фашисты, решив что смогут меня быстро взять в плен, набросились в мою сторону. Первым бежал офицер и на ломаном немецком языке кричал:

– Сдавайся! Плохи твои дела!

Я быстро зарядил пушку и выстрелил в него снарядом, который пробивает бронь. Тем самым офицера раснес на куски. Остальные немцы начали бежать. Я сделал еще несколько выстрелов. На этот раз картечью. 15 фрицев остались там навечно» («16 немецны юк иттем») [9].

Названия заметок также своеобразны. Нередко заметки публикуют блоками, подборками, без заголовков – под тематическими рубриками. Например, в газете «Кызыл Татарстан» на титульной странице новости из фронта даются под рубрикой «Совет информбюросыннан» («Из Советского информбюро»). В ней регулярно информируют о военных достижениях советской армии на различных фронтах, о героизме советских солдат.

В заголовке выносят указание на опорный факт заметки, тогда заголовок передает ее суть: «Танклар янаналар» («Танки горят»), «Авыр орудиең командиры Д.Самединов турында» («О командире тяжелого орудия Д.Самединове»), «Ерактан килгән хатлар» («Письма издалека»), «40 фашист юк ителде» («40 фашистов были уничтожены») и др.

В репортаже журналист стремится оперативно показать читателю картину события на всех этапах его развития – от начала до завершения. Являясь сам очевидцем или участником событий, он старается оперативно воссоздать «историю события». Предметом репортажа становится событие, сочетающее визуальную и устную форму выражения его содержания. Перед автором стоит непростая задача: добиться эффекта «присутствия» читателя на месте события. Это возможно, понятно, лишь при присутствии самого автора на месте события. Например: «Они шли по кустам и таким образом поднялись на вершину возвышения. Когда дошли, Уразбаев остановил своих бойцов на несколько минут и дал им последние указания: «Товарищи, двигайтесь дружно. Ни на секунду не задерживайтесь...» («Сержант Хәким Уразбаев») [6].

Задача репортера и предмет репортажа определяют и другие важные его стороны. В частности, его «наглядность»: читатель должен как бы сам видеть все происходящее на месте события, как бы слышать голоса его участников. Этот эффект достигается прежде всего использованием в тексте репортажа деталей и подробностей, помогающих репортеру

нарисовать зримую картину действительности. Например: «Вдруг послышался прерывистый гул немецких самолетов... Вот самолеты начали кружить над местом, где располагался батальон» («Немец самолетларын жиңүче» Капитан А.Эхмәдиев.)

При этом он не просто регистрирует подробности события, которые заметил, он отбирает факты, группирует их в тексте, воссоздает событие, отражая при этом свое отношение к нему.

«Вскоре, рота, словно красный поток, вышла на атаку на врага. Сражение закончилось нашей победой. Но в этой битве Хусаину пришлось расстаться с Хасаном. Один из товарищей повел его брата в санбат». («Ике туган» Ш.Хәсиятуллин) [7].

Нередко рамки чисто информационного репортажа оказываются тесными для автора. Он не ограничивается воссозданием картины события, а стремится подвергнуть его анализу, сопоставляет факты, исследует их связи, изучает причины и следствия. Обратимся к примеру: «В следующую ночь, к нам в руки попал еще один немецкий солдат, который прятался в кустах вдоль реки. Эти четыре пленных все оказались из одного штурмового батальона. Их задача была запалучить нашего «языка» («Осталык» Сержант Габбасов) [5].

Специфика репортажа проявляется и в его стиле – эмоциональном, энергичном. Для него характерно активное использование средств и приемов образного отображения действительности – яркого эпитета, сравнения, метафоры и т.д. Например, «Он, держа в руке острый кинжал, набросился на Мухаррамова как хищник бросается на свою жертву. Жизнь парня будто висела на волоске» (Гайрәтле егет. Г.Эпсәләмов)

Также в репортажах военных лет авторы часто употребляют пословицы и поговорки. «Батыр яуда беленер» дигәннәр безнең бабайлар. Гайрәтле егет. Г.Эпсәләмов («Наши предки говорили «Батыр познается в бою»); «Ир егет үзе өчен туа, иле өчен үлә» («Мәңгелек дан» ГамирНасрый («Мужчина рождается ради себя, а ради Родины жизнь отдает»).

Эффект присутствия, о котором говорилось выше, как бы включает в себя эффект сопереживания: репортаж достигнет цели в том случае, если читатель вместе с репортером будет восхищаться, негодовать, радоваться. И не случайно репортаж нередко определяют как «художественный документ».

Таким образом, уже с первых дней Великой Отечественной войны жанры публицистики, призванные раскрывать жизнь людей на фронте и в тылу, мир их духовных переживаний и чувств, их отношение к различным фактам войны, заняли прочное место на страницах татарских фронтовых газет.

Список литературы

1. Геройларга дан! – Ватан өчен» («За Родину»). – 9 октября, 1942.
2. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 178.
3. Немец самолетларын жиңүче // Сталин сугышчысы. – 2 августа, 1945 г.
4. О летчике-истребителе Ахметхане Султанове. – Кызыл Татарстан. – 14 января 1943 г..
5. О снайпере Габбасе Исмагилове. – Кызыл Татарстан. – 6 февраля 1943 г. (№30)
6. Сержант Хәким Уразбаев // Сталин сугышчысы. – 2 августа, 1945 г.
7. Хәсиятуллин Ш. Ике туган // Сталин сугышчысы. – 7 май, 1945 г.
8. Нөжүм орышында атлы гаскәрнең хәрәкәте // Сталин сугышчысы. – 2 августа, 1945 г.
9. 16 немецны юк иттем // Фронт правдасы. – 17 апреля, 1943 г.

10.01.10

Чэнь Шаньшань

Ланьчжоуский университет,
факультет русского языка и литературы,
Ланьчжоу, 1443037127@qq.com

ЖЕНСКАЯ ПРОЗА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

Современная русская женская проза имеет непреодолимый импульс. Развитие русской женской прозы привело к появлению диверсифицированной тенденции в русской литературе в целом. В этой статье исследуются особенности современной русской женской прозы и нарративные стратегии современной русской женской прозы, анализируются творческие приемы и эстетическое сознание основных женщин-писателей в современных русских литературных кругах.

Ключевые слова: *русская литература, женская проза, нарративная стратегия.*

Становление и развитие современной русской женской прозы

Во все времена право женщины на место в искусстве и ее художественная дееспособность обсуждались и критиковались с различных позиций и точек зрения, дискуссия почти никогда не утихала. В 1980-е годы советские критики в целом отрицательно относились к женской литературе как независимой литературной школе. Многие критики считают, что разделение литературы нужно не в контексте «гендерных признаков», а лишь подразумевая расширение литературного наследия за счет утверждения самобытности и творческой индивидуальности пишущих женщин. так же, как нет мужской науки и женской науки, в литературе нет аналогичной классификации». [9, С.12] Однако некоторые критики считают, что способности женщин в художественном творчестве не слабые, чем у мужчин. Критик и писательница О. Славникова считает, что женщины практически всегда выступали первопроходцами в открытии нового эстетического содержания. Женщина никогда не идет на нежилое место. В женской генетической программе не заложено быть расходным материалом эволюции. В экстремальной ситуации, когда мужчина обязан погибнуть, женщина обязана выжить.[2, с.21] Поэтому «женская проза» играет важную роль в развитии современной русской литературе, так как она предпринимает успешные попытки расширить границы традиционной поэтики.

Русская женская проза развивается под влиянием западных феминистских веяний. Концепция «женская проза» была предложена в 1980-х годах, в то время Россия находилась накануне распада Советского Союза, и все аспекты общества столкнулись с глубоким идеологическим кризисом, в том числе под влиянием ослабления цензуры русская литература нарушила традиционную литературную структуру, стала более многообразной. В литературном круге расцвели различные литературные школы. За исключением традиционного реализма, развиваются также нео-реализм, постмодернизм и другие литературные школы. Появляются разнообразные формы жанров, среди которых наиболее часто используются социально-психологический, сентиментальный роман, роман-жизнеописание, рассказ, эссе, повесть и т.д.. Разные виды литературных произведений были изданы непрерывно, русская женская проза набрала силу в период подъема различных литературных школ, незаметно вышла на историческую сцену и стала силой, которую нельзя игнорировать в развитии русской литературы. Среди женских произведений «маргинальная литература» и «другая литература», которые не были приняты обществом, вышли на сцену литературного общества. Кроме того, бурное развитие русского феминистского движения стимулировало кульминацию феминистской литературы. «Женская проза» официально была признана литературным явлением в конце XX века и сегодня выделяется как устойчивый феномен отечественной литературы.

Ерофеев сказал: «Все хотят писать о женщинах, а женщины хотят писать о себе. Эпоха женщин в русской литературе началась.[1, с. 12] С конца 1980-х до середины 1990-х годов в России последовательно издавали семь основных монографий "женской прозы". В том числе включая те произведения: «Женская логика, 1989», «Не помнящая зла, 1990», «Чистенькая жизнь, 1990», «Новые амазонки, 1991», «Абстинентки, 1991», «Жена, которая умела летать: Проза русских и финских писательниц, 1993», «Глазами женщины, 1993».

В то же время в литературном круге появились много ярких талантливых писательниц, представляющих отдельную сферу новейшей популярной словесности: Людмила Петрушевская, Татьяна Толстая, Людмила Улицкая, Марина Вишневецкая, Виктория Токарева, Ольга Славникова, Марина Палей, Галина Щербакова, Нина Садур и т.д.

Нарративная стратегия современной русской женской прозы

Среди современных писательниц Л.Петрушевская - самая известная и успешная писательница, которая получила широкое внимание среди критиков. Л.Петрушевская начала публиковать свои сборники прозы и романов с 1990 года. Темы Л.Петрушевской очень широки: смерть и ее физиология, болезнь, эротическое вожделение, изнанка семейной жизни, алкоголизм, аборт, бедность, борьба за физическое выживание и т.д.. Творчество автора посвящено отражению изменений в человеческой натуре и изображению внутреннего мира персонажей. Сюжетная линия произведения часто ставит персонажей на грань жизни и смерти, чтобы показать их внутренний мир, а сам автор наблюдает за своими персонажами с точки зрения стороннего наблюдателя. Петрушевская сознательно исследует "прозу" жизни, лишённую духовного начала и радости. Особенное внимание она уделяет феномену отчуждения, бездушию и жестокости в человеческих взаимоотношениях.[3, с. 3] Например сборник рассказов «Бессмертная любовь», «Время ночь», «Свой круг», «Тайна дома» и т.д.. В том числе «Время ночь» отражает конфронтацию и даже взаимную ненависть между матерью и дочерью, с которой они даже не могут столкнуться. Мать и дочь в романе враждебны друг другу из-за дома, сына и денег, и это всегда связано с отсутствием отца в семье - Это уродливая сторона человечества и горе первородного греха, а также указывает на кризис кровной этики и культурных традиций.[16, с. 125]

Нарративная стратегия Л.Петрушевской заключается в ее сложной манере повествования, использовании множества длинных и сложных предложений, а сюжетная линия выстраивается одно звено за другим. В романе автор использует множество перефразированной, чтобы реализовать собственные творческие замыслы и выразить образ персонажей, поэтому многим читателям будет трудно понять содержание при чтении, но по мере углубления чтения читатель постепенно ощущает некую внутреннюю боль и напряжение, как будто поставит себя в жизненную сцену, описанную автором. Потому что Л.Петрушевскую интересует не сама жизнь, а скрытая за ней сущность жизни, это как некое сознание, и такое сознание, которое отражает беспокойство о жизни и даже чувство паники, а также проявление искажения человеческой природы.[14, с. 41] Критики Н. Кякшто считает: женская судьба является основной темой романа Л.Петрушевской. Она разрушила утопии и мифы о семье, любви, об обществе и т.д., раскрывает ужасное, грязное, злое, счастливое невозможное, пытки и боль в жизни - все это представлено в сюрреалистической манере. [6, с. 291]

Т.Толстая принадлежит к одной из писателей "новой волны" в литературе и одному из самых ярких имен в "артистической прозе". Ее рассказы сегодня стали классикой современной литературы, но в 80-е годы (и в начале 90-х) критик отнесся к ним очень неоднозначно, а сегодня большинство современных исследователей относят Т.Толстую к постмодернистам. В творчестве Т.Толстой поднимаются вопросы, связанные с общечеловеческими проблемами, включая добро и зло, «вечную» тему жизни и смерти, выбор пути, отношения с окружающими, самосознание и т.д..

Повествовательная стратегия произведений Толстой заключается в интертекстуальности. Т.Толстая умеет играть в разных уровнях языка: в ее языке иногда бывают языковые смешения, содержание рассказов Т.Толстой иногда и выглядит абсурдно, но в этой

нелепости заключено глубокое творческое сознание автора. Творчество ее полно постмодернистских элементов, сюжетная линия полна удивительности и неожиданных конфликтов. Например, в романе «Кысь» автор тесно интегрирует литературное творчество с историческими событиями и использует иронию, пародию и другие средства для деконструкции и построения классических произведений, растворяя классические литературы в русской культуре. В романе «Кысь» Т.Толстой процитировал большое количество элементов классики и народной литературы, что является прекрасным воплощением использования интертекстуальности. Т.Толстая использовала искусные постмодернистские художественные приёмы, раскрыла добро и зло человеческой природы, призвала людей к воспоминанию о русской традиции, размышлению о современном состоянии страны и предупреждению о будущем.[15, с. 53]

Что касается повествовательной стили В.Токаревой, то это заключается в языке юмора и точной психологической проработки ее произведений, большинство ее произведений основана на повседневной жизни обычных людей, и все произведения ориентированы на массового читателя. Автор умеет использовать различные риторические приемы, такие как метафоры, фантазии, символы, персонификации, каламбуры, антонимы и другие модификаторы, чтобы выделить образ персонажей и достичь цели повествования. Кроме того, в произведениях В.Токаревой обычно проявляются особенности мультисубъективности, то есть в произведении присутствует не один главный герой. Автора умеет ловить все детали жизни: споры, конфликты, любви, алкоголизмы, насилия, объяснения и размышления - все это может найти свое место в произведениях В.Токаревой.[13, с.9]

В отличие от В.Токаревой, Л.Улицкая отражает мир более тонким и спокойным. Работы Л.Улицкой также отражают повседневную жизнь обычных людей, семья находится в центре внимания Л.Улицкой: семейные споры и конфликты, неполные семьи и т.д.. Произведения Л.Улицкой полны современной сентиментальности, читатели могут прочувствовать искреннее представление о человечности в ее произведениях. Автор словно ставит себя за рамки произведения, спокойно и объективно относясь к радостям и печали главного героя. Кроме того, мифопоэтическое содержание является характерной особенностью прозы Л.Улицкой. Например, в романе «Медея и ее дети» Л.Улицкая описала женский образ «богоматерь» - Медея. Название «Медея» происходит из древнегреческих мифов: Медея убила своего сына и наказала мужа из-за измены мужа. Этот трагический образ оказал глубокое влияние на создание литературных образов для последующих поколений. Однако Медея в произведениях Л.Улицкой - светлая «богоматерь». Хотя она имеет то же греческое происхождение, занимает центральное положение в семье, но перед лицом измены мужа Медея в произведениях Л.Улицкой предпочитает принимать тут факт и заботиться о внебрачной дочери мужа. Сравнение Медея Л.Улицкой с Медеей в древнегреческой мифологии оформлено контрастом между двумя Медеями, который отражает культурную концепцию и ценностную ориентацию писателя.

В общем женская проза с ее разнообразными мыслями и формами и слиянием жанров демонстрирует внимание к сложной повседневной жизни современных людей - трудностям реальной жизни, слиянию духовного мира, противоречию и конфликтам между людьми и обществом. Писательницы постарались показать эмоциональное состояние персонажей и создали серию образов обычных и маленьких людей, эмоциональная жизнь которых составляет основное содержание этих произведений. Автор наблюдает за эмоциональными психологическими и духовными изменениями, показывает их отношение к любви и миру. Как Зумбулидзе И. сказал: любые пути раскрытия типологии женского творчества будут способствовать более глубокому проникновению в природу женского творчества, что и составляет задачу современной науки о литературе. Следовательно, как неотъемлемая часть литературного исследования, исследование женской прозы должно постоянно углубляться, чтобы обогатить духовную сущность русской литературы.

Данная статья является результатом исследования по проектам: «Демонстрационный курс реформирования преподавания русской литературы в Ланьчжоуском университете» (2019-2021), «Общеобразовательный курс "Оценка классической русской литературы" в Ланьчжоуском университете»(2019-2021).

Список литературы

1. Ерофеев В. Время рожать [G] // Предисловиек Антологии Современной Прозы. М.:Подкова, 2000:12 с. 12)
2. Зумбулидзе И.Г. «Женская проза» в контексте современной литературы [Текст] // Современная филология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). — Уфа: Лето, 2011. — С. 21-23.
3. Мелешко Т. Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте. Учебное пособие по спецкурсу. - Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2001. - 88 с.
4. Наклейщикова М. Феномен женской прозы в современной литературе//литературный дневник. Режим доступа:<https://proza.ru/diary/mawuk/2013-03-18>.
5. Невзглядова Е. Сюжет для небольшого рассказа // Новый мир. 1988.№ 4. С.112. См. также Д. Быков Рай уродов // Огонек. 1993. №18; Липовецкий М. Трагедия и мало ли что еще // Новый мир. 1994. №10.
6. Огрызко В. Кто сегодня делает литература в России[М]. М.: Литературная Россия, 2 0 0 6.
7. Трофимова Е.И. Феминизм и женская литература в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям "Валдай-96" / МЦГИ. М., 1997. С. 47-52.
8. Черняк М.А. Женский почерк в современной прозе.Современная русская литература-М., Форум.- 2010 – 352 с.
9. Щеглова Е. Полемиические Заметки о «женской прозе» // Литературное Обозрение,1990(3).
- 10.陈方.残酷的和感伤的——论当代俄罗斯女性小说创作中的新自然主义和新感伤主义风格[J].俄罗斯文艺,2007(02):20-25.
- 11.段丽君.当代俄罗斯女性主义文学[J].俄罗斯研究,2006(01):79-84.
- 12.高伟,孙超.当代俄罗斯“女性文学”:学术争议与美学贡献[J].哈尔滨工业大学学报(社会科学版), 2014, 16(05):69-74.
- 13.潘月琴.托卡列娃短篇小说的叙事及修辞策略[J].外国文学,2015(04):3-12+157.
- 14.田洪敏.消散之后的辉煌——20世纪90年代之后的俄罗斯文学[J].黑龙江社会科学, 2007(05):40-42.
- 15.王悦.试析塔·托尔斯泰娅《野猫精》的互文性手法[J].名作欣赏,2017(21):51-53.
- 16.张建华.当代俄罗斯的女性主义运动与文学的女性叙事[J].解放军外国语学院学报,2014, (33):127.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК*10.02.01***Н.В. Габдреева д-р филол. наук, М.А. Калашникова канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
подготовительный факультет,
кафедра русского языка,
кафедра гуманитарных наук
Казань, n.gabdreeva@mail.ru, ruskult2013@yandex.ru

**ТИПОЛОГИЯ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ИДИОСТИЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ**

В статье анализируется типология новых заимствований в русском языке новейшего периода на примере произведений Д. Рубиной. Типология представлена четырьмя типами заимствований вследствие ассимиляции иноязычной лексики, приведено функционирование лексем в текстах произведений автора.

Ключевые слова: *идиостиль, заимствованная лексика, лексико-семантические новообразования, современная проза.*

Одной из важнейших составляющих творческого почерка писателя являются выразительные средства. Именно определенный инвентарь языковых приемов, стилистических фигур позволяет автору воздействовать определенным образом на читателя. Идиостиль – это способ выражения в художественной речи фактов внутреннего мира конкретного автора в определенный исторический период с помощью системы индивидуальных языковых особенностей.

Значительный пласт лексики русского языка составляют заимствования. Типология этих единиц, этимология, функции и особенности продолжают активно изучаться сегодня (А.В.Агеева, Р.Р. Яхина,...) Следует отметить, что заимствования присутствуют практически в каждом пласте лексической системы: значительная их доля имеется в терминологиях различных наук, в разговорной речи, жаргонах, тематических группах и т.д. Однако сегодня наше внимание будет сфокусировано на особенностях функционирования новых заимствованных слов в системе идиостиля. Как правило, функции этой лексики, описанные еще И.А. Бодуэном де Куртенэ, сводятся к номинации “чужих” предметов, явлений и характеристик, а также к средствам создания исторического колорита и речевых характеристик [7].

Настоящая статья посвящена изучению места и роли новых заимствований в творчестве современных писателей, в частности Д. Рубиной. Источниками послужило все ее творчество: 12 романов, включая последнюю, вышедшую в 2019 году трилогию, «Наполеонов обоз», рассказы, повести, эссе разных лет, а также многочисленные интервью автора (например, в сборнике «Больно только когда смеюсь»). Можно констатировать, что заимствованные элементы представлены в творчестве столь широко, что, без сомнения, выходят за рамки указанных номинативных функций, более того, можно говорить об этом как характерной особенности идиостиля. Какие же типы можно выделить?

1. Большинство новообразований относится к национальным реалиям, их появление связано с заполнением понятийных лакун: *касона* ‘старый дом’, *кармен* ‘частный дом с садом’, *атриум* ‘внутренний двор в доме’. При заимствовании испанского/итальянского прототипа в русском языке проявляется этнокультурный компонент, который отсутствует у прототипа: *сервесерия*, *остерия*, *пиццерия* ‘род кафе в Испании и Италии’. Терминологические выражения *кьяроскуро* (резкое противопоставление света и тени),

сфумато (смягчение очертаний фигур и предметов) обозначают приемы в живописи, которые использовали итальянские художники Леонардо да Винчи и Караваджо.

Тематическая атрибуция этих слов-реалий разнообразна: это, например, национальное явление коррида и обозначения ее разновидностей, деталей костюма, действующих лиц, приемов и способов в обращении с быком..... *матадор, бандерильеро, тикадор, моносабьо, муллиьерос, пунтильерос, пеон, тореро, тореадор, торо, вероника (прием), бандерилья, мулета, пика, фаэна (набор приемов с мулетой), деричасо, натурель, ремате, пасе де печо* и др.

2. Отмечается значительное число нетранслитерированных (иногда транслитерированных с экспликацией в виде сносок и послетекстовых пояснений) элементов, выполняющих различные стилистические функции. Так в произведениях Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра» и «Белая голубка Кордовы», действие которых так или иначе связано с Испанией, отмечаются так называемые вставки, или вкрапления-обращения *ола, ихо, эступидо, корасон, маруха, амор мио*, вкрапления-восклицания *буэно, диос*, номинации специфических испанских реалий *байлаор* ‘танцор фламенко’, *сапатеадо* ‘четкая работа ног в танце’, *касона меркадильо* ‘испанский блошинный рынок’, *сефард* ‘морской пират’ и др. Следует отметить разнообразные способы включения этих новообразований в текстах, семантика которых не ассимилирована: это и перифрастические пояснения (*букаро*, глиняные кувшины с ледяной водой с двумя носиками), включения в синонимический ряд (*чуррос*, пирожки, приготовленные в кипящем масле; *пират, сефард*, гроза испанских торговых караванов; местная плитка *асулахос; коче де кабальос*– пролетки с возничими), примечания, а иногда обычная корреляция без экспликации (*вале, сомбреро-кордовес*) [5].

3. Неизменным в произведениях Д. Рубиной остается её обращение к музыке. Текстуальная ткань произведений по-прежнему наполнена специальной лексикой и метафорами: *дуэт, партитура, собачьи гастролы, хулиганский менуэт, капли нот, настойчивый аккорд, грибные бдения, мажорный аккорд, оперные либретто* и др. Метафорическое употребление музыкальных терминов используется автором для описания широкого круга понятий, связанных как с областью человеческих чувств и отношений, так и с описанием бытовых сцен: «*Мать была натурой страстной и романтической, всю жизнь в каких-то оперных либретто*»; «*в звенящую голову проникает дружный травяной настой, и этот настойчивый аккорд луговых испарений длится и ширится...*»; «*подворотня мнила досрочным освобождением от куртуазного менуэта*» и др. [4].

4. Отметим, что новые и ассимилированные заимствования, как правило, используются автором в переносном значении, очень часто без лексикографической фиксации в словарях: «*Оставалось только закруглить еще одно дело, сюжет которого он выстраивал и разрабатывал (виньетки деталей, арабески подробностей), – вот уже три года*»; «*И я уныло повлеклась на встречу с людьми, которые вскоре, с окончанием моей каденции, все станут призраками в моей жизни*» [2,6]. Заимствования в прозе Д. Рубиной вовлекаются в контексты, не связанные с их специальным назначением, происходит выпадение определенных дифференциальных признаков данных лексем, которое в некоторых случаях приводит к полному отрыву слова от его значения и включению его в новое поле лексико-семантического, грамматического и стилистического взаимодействия – *покалечены редакторским скальпелем, сдохнуть можно было от всех этих реверансов и приподнятых цилиндров, базедовые рыбки с вуалями хвостов, сказочная пери, массируванный десант, панорама физиономий и судеб, жабо тройных подбородков* и т.п..

Таким образом, характерной особенностью творческой манеры Д. Рубиной, которую она сама характеризует так: «*взламывая этот мир, каждый писатель пользуется своими личными отмычками*» [3], является активное использование разных типов классических, ассимилированных заимствований, а также не всегда фиксированных словарями новообразований, которые, выполняя самые разнообразные функции, позволяют автору изобразить этот мир так, что любая страница произведения идентифицируется только с именем автора – Д. Рубиной.

Список литературы

1. Дина Рубина / Воскресная месса в Толедо/ М.: Эксмо, 2014.С.245
2. Дина Рубина / Белая голубка Кордовы. М.: Эксмо, 2013. Цит.по: <http://lib.rus.ec/b/173678> (дата обращения 29.07.2020).
3. Дина Рубина / Больно только когда смеюсь: сборник. М.: “Издательство Э”, 2017.С.314
4. Дина Рубина / Наполеонов обоз. Книга. Рябиновый клин: роман/ М.: Эксмо, 2018.С.321
5. Дина Рубина / Последний кабан из лесов Понтеведра: роман/ М.: Эксмо, 2013.С.138
6. Дина Рубина / Синдикат. М.: Эксмо, 2006. Цит. по: <https://mybook.ru/author/dina-rubina/sindikata/> (дата обращения 22.07.2020).
7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты/ Под ред. А.П. Сковородникова. – 2-е изд. –М.: Флинта; Наука,2009. – 480 с.

10.02.01

Н.В. Коврыгина

Кубанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра современного русского языка,
Краснодар, kovrygina_nadezhda@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «КОСМОС» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается функциональный и прагматический потенциал концептуального понятия «Космос» в рамках современной языковедческой парадигмы. Особое внимание уделяется изучению особенностей функционирования исследуемого концепта в аспекте коммуникативной прагматики и их реализации в текстах художественных произведений. Использование методов системного, семантического и контекстуального анализа позволило частично систематизировать понятийный аппарат, связанный с изучаемой сферой лингвистической прагматики и аксиологии, расширить представление о функционале концепта «Космос» в художественном дискурсе.

Ключевые слова: *концепт, прагматика, художественный дискурс, языковая картина мира, языковая личность.*

Актуальность исследования концепта «Космос» обусловлена, во-первых, малоизученностью данного концептуального понятия, во-вторых, необходимостью специального анализа экспрессивно-образных словесных репрезентаций, связанных с концептом «Космос», что максимально проявлено в рамках художественного дискурса.

Большинство современных лингвистических исследований, в которых представлен анализ слов с космической семантикой, носят фрагментарный характер или являются попыткой систематизации проведенных ранее работ подобного характера. Несмотря на очевидный высокий количественный и качественный уровень представленности в современном языковедении работ, связанных с описанием концептов и исследованием языковой национальной картины мира и русской языковой личности в целом [5; 2; 6], функционал концепта «Космос» все еще недостаточно изучен. Таким образом, при всем разнообразии лингвистических работ, связанных с освещением космической темы в русском языке, детального, комплексного исследования ее концептуальных единиц с позиций когнитивистики и аксиологии в языковедении еще нет.

При исследовании функциональных и таксономических аспектов концептуального понятия «Космос» необходимо учитывать его многоплановость, уже сформировавшуюся в рамках русской языковой картины мира. Исследователь О.Д. Куракина отмечает, что «русский космизм - тысячелетняя отработка в российской метакультуре идей космической трансформации человека и общества: кроме внешнего космического пространства, есть ещё внутренний космос души, энергии которого не менее существенны как для Вселенной, так и для человеческой жизни, ввиду тесной взаимосвязи и взаимозависимости планеты, биосферы и ноосферы» [1, с. 127].

При детальном анализе лексем, объединенных космической тематикой, следует отметить, что они функционируют как минимум в трех базовых парадигмах: природы как таковой; техники, создаваемой с целью изучения космоса, и человека. В рамках исследования языковой картины мира представляется рациональным акцентировать внимание на анализе функциональных свойств концепта «Космос» в непосредственной ассоциативной связи с мировосприятием человека, поскольку он занимает существенное место в его семантическом пространстве.

Под языковым семантическим пространством человека лингвисты понимают «совокупность значений единиц языка и речи» [7; 3].

Большинство лексем и сложных сочетаний представляют космос в концептуальной парадигме человека в актуальных для носителей русского языка свойствах.

Подобное комплексное исследование может быть осуществлено с помощью системного лингвистического анализа: когнитивного, прагматического, семантического и стилистического. В свою очередь, систематизации и частичному моделированию одного из базовых фрагментов русской языковой картины мира, а именно того элемента, в котором основой создания и представления семантической модели является смысловое соотношение «космос - человек» на материале художественного дискурса, способствует семантико-когнитивная интерпретация совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов в рамках анализируемого концептуального понятия «Космос».

Большая часть исследуемого языкового материала включает целый ряд средств образной выразительности с «космической» семантикой: метафоры, сравнительные обороты, эпитеты. Данные языковые элементы способствуют «выражению субъективных, оценочных характеристик человека, что в рамках концепции языковой картины мира» и ментального образа человека как ее основного фрагмента является одним из системообразующих параметров семантико-когнитивного языкового представления человека [4, с. 57].

Таким образом, весьма перспективно исследование оценочно-характеризующего и прагматилистического функционала слов и выражений, обозначающих в прямых значениях реалии космической темы, а в переносных и ассоциативных выступающих в качестве способа образного и аксиологического представления человека, что очевидно весьма показательно в рамках художественного дискурса.

Под данным функционалом имеем в виду сложившиеся в системе русского языка регулярные возможности отдельных слов или словесных выражений, обозначающих реалии, так или иначе связанные с космической сферой, репрезентировать в речи образ человека.

Самыми многочисленными, по мнению исследователей-лингвистов, «среди обозначений человека в художественном дискурсе выступают подгруппы: человек по положению в общественной среде, по социальной значимости, авторитету, по оценочному отношению к нему окружающих; человек как символ, средоточие, отражение Вселенной, человек по отношению к космосу, планете Земля, по местоположению во Вселенной». Также «весьма актуальны и частотны, а следовательно, национально значимы следующие группы: конкретные физические внешние органы (глаза, лицо и т.д.); условные органы психики (душа, сердце, ум, разум); обозначения духовного мира человека в целом (внутренняя вселенная); явления эмоциональной сферы человека: *эмоциональные состояния* (радость, счастье, восторг, удовольствие, горе, печаль и т.д.); *чувства* (любовь и т.д.); явления ментальной сферы человека (мысль, мечта, воспоминание, идея и т.д.)» [7].

Важно отметить, что направления ассоциирования от космоса к человеку обнаруживают системный характер. Наиболее употребительными, по оценке И.Е. Фроловой, являются следующие единицы: «небесная сфера, небесные тела, их положение, предметы и явления, относящиеся к изучению и освоению космического пространства, мифологические; небесные пояса, орбиты планет» [7].

Приемами выражения образных ассоциаций выступают метафора, сравнение, эпитет, метонимия, символ и другие тропы. Часть этих средств носит универсальный характер, часть - национально-специфический, некоторые из них - стереотипны, другие - индивидуальны. Анализ стихотворных и песенных текстов в рамках художественного дискурса позволяет выявить особенности использования средств художественной выразительности в семантической и когнитивной парадигме концептуального понятия «Космос». Традиционно в художественном дискурсе доминируют метафоры, в том числе развернутые. Но в данном случае с ними конкурируют эпитеты как в собственно поэтических, так и в стихотворных песенных фрагментах:

Заря космического века

Полет, как песня вдохновенный —
 Заря космического века.
 В груди загадочной Вселенной
 Забилося сердце Человека.
 Во мгле космической тобою
 Дороги звездные открыты.
 Тебя мы нашею мечтою
 Все выводили на орбиту!

(С.Гребенников, Н.Добронравов)

В рамках относительно небольшого текстового фрагмента представлены и метафоры: «заря космического века», «в груди Вселенной», «сердце Человека», и эпитеты: «космический век», «дороги звездные», «космическая мгла», «загадочная Вселенная», и сравнения: «полет, как песня вдохновенный», и олицетворения: «выводили мечтою на орбиту».

В собственно поэтических, непесенных текстах в рамках анализируемых фрагментов художественного дискурса с использованием концептуального понятия «Космос» и лексики с общей космической тематикой частотность реализации средств художественной выразительности во многом совпадает с песенными отрывками (представлены эпитеты, олицетворения и метафоры):

Ночные мысли (Из Гёте)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
 Так прекрасны, так светло горите,
 Мореходцу светите охотно,
 Без возмездья от богов и смертных!
 Вы не знаете любви и век не знали!
 Неудержно вас уводят Оры
 Сквозь ночную беспредельность неба.
 О! какой вы путь уже свершили
 С той поры, как я в объятьях милой
 Вас и полночь сладко забываю!

(Ф. Тютчев)

Очевидно, что репрезентация исследуемого концепта имеет некоторые функциональные особенности в разных типах дискурса, что вполне согласуется с представлением о многовариантности национальной языковой картины мира.

Список литературы

1. Куракина О.Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993. 184 с.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М., 2008. 296 с.
3. Немыка А.А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2017.
4. Одинцова М.П. Образы природы в семантическом пространстве внутреннего человека в русской языковой картине мира // Славянские чтения / Сб. науч. статей и материалов научно-практич. конференции. Омск, 2005. Вып. 9-10. С.57-59.
5. Пименова М.В. Языковая картина мира : учебное пособие. Кемерово, 2011. 114 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2001. 989с.
7. Фролова И.Е. Человек в образных репрезентациях космической темы в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009

10.02.01

Л.П. Колоколова канд. филол. наук

Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Стерлитамак, kollidia@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена когнитивному исследованию словообразования. В ней проблемы системности словообразования анализируются с функционально-когнитивной точки зрения. В качестве основного словообразовательного объекта рассматривается словообразовательное значение слова, в котором отражаются различные аспекты конкретизации глобального концепта в процессе речевой коммуникации.

Ключевые слова: когнитивный аспект, словообразовательное значение, словообразовательный потенциал.

В последнее время в языкознании стала очевидной новая реальность в исследовании языковых единиц. Она связана с двумя научными парадигмами – функциональной и когнитивной, предполагающими переоценку накопленных научных знаний с новой позиции. Функциональный подход к описанию языка позволяет раскрыть, как функционируют, действуют языковые элементы в речи, а когнитивный подход связан с познавательными процессами, со способами получения, обработки, хранения и передачи информации о мире. Заслуживает внимание исследование когнитивного направления Р. Лангакером, который пришел к выводу о том, что «язык это – алгоритмическая система, достаточно автономная для того, чтобы ее можно было изучать в изоляции от более общих вопросов познания», но новое, когнитивное направление предполагает, что «язык – это не самодовлеющий механизм. И он не может быть описан без ссылки на когнитивные процессы» [3, с. 35-36].

Научная новизна исследования заключается в том, что словообразовательные процессы подвергаются комплексному анализу с новых функционально-когнитивных позиций, в которых отражаются различные аспекты конкретизации функционально-когнитивных сфер.

Словообразовательное значение реализует когнитивный аспект производных слов и отражает особый способ представления знаний о реалиях. В словообразовательном значении фиксируются связи и отношения, существующие между элементами внеязыковой действительности. Это отношения типа: действие – деятель (*рубить – рубщик*); действие – место (*печь – пекарня*); действие – предмет (объект) (*записать – записка*); место – лицо (*киоск – киоскер*); предмет – признак (*дерево – деревянный*); предмет – действие (*асфальт – асфальтировать*); действие – признак (*заключить – заключительный*) и т.д. Перечисленные типы связи лежат в основе словообразовательных процессов и реализуют непрерывность языка, которая проявляется в переходе одной информации в другую. Таким образом, словообразовательное значение – это основное понятие, которым приходится оперировать при анализе словообразовательных явлений.

Важно подчеркнуть, что словообразовательное значение представляет собой сложное понятие, имеющее двустороннюю ориентацию. Оно создается интеграцией, т.е. объединением семантики производящей основы и семантики производного слова. Словообразовательное значение можно определить как общетиповое значение, присущее целой серии слов, объединенных общностью форманта и характером связи между производным и производящим словами. Например, в следующих производных с формантом

-ник представлены разные словообразовательные значения: «лицо по действию»: *клеветник* (*клеветать*); «лицо по объекту»: *охотник* (*охота*); «предмет – вместилище для объектов»: *соусник* (*соус*); «животные – помещение для животных»: *скворечник* (*скворец*); «предмет (растение) – место, где произрастают растения»: *орешник* (*орехи*). Таким образом, словообразовательное значение выявляется путем сопоставления пары слов – производящей основы и производного слова, находящихся в отношении словообразовательной мотивации.

Словообразовательная мотивация – это тип структурно-семантических отношений между двумя (или более) однокоренными словами, когда одно слово – мотивирующее – обязательно входит своей частью в новое, мотивированное слово, передавая ему как свою семантику, так и формальный компонент – мотивирующую (производящую) основу: *петь* – *пропеть*.

Производное слово отсылает к какой-то производящей основе, и поэтому значение отношения занимает ведущее место в смысловой структуре дериватов. Абстрактная сема отношения, характеризующая тип связи между семантикой производного слова и значением производящей основы, является составной частью словообразовательного значения. Словообразование открывает одно из регулярных в языке смысловых отношений, базирующихся на связи слов. Ср.: *винтовая* (лестница) (*винт*) – «спиральная, имеющая форму винта»; *весовщик* (*вешать*) – «работник, занимающийся взвешиванием или наблюдающий за взвешиванием чего-нибудь» и т.д.

Словообразовательное значение создается благодаря ступенчатой конкретизации семантики производных слов, проходящих этапы развития от общих концептов к более частным значениям. Последнее обусловлено разнообразием типов информации, содержащихся, с одной стороны, в мотивирующих основах, с другой стороны, в производных словах как конечном результате словообразовательного процесса, а также многообразием связей и отношений между реалиями, событиями, признаками и т.д. Это отражает сложный, многоступенчатый путь знаний, обусловленный восприятием реального мира. Ср. конкретизацию основного концепта лица и предмета в различных словообразовательных значениях: *переводчик* (лицо по действию); *бетонщик* (лицо по средству действия); *кружевница* (лицо по объекту); *наглец* (лицо по признаку); *точилка* (орудие действия); *курилка* (место действия); *зарубка* (результат действия); *сгусток* (предмет по признаку). Словообразовательное значение отличается сложностью и представляет иерархическую систему разной степени абстракции. Это обусловлено тем, что в общественной практике общекатегориальное значение реалии конкретизируется в более частных значениях. Постепенный переход от общих категориальных значений к узким и далее к индивидуальным значениям создает вертикальный срез (структуру) словообразовательного значения, включающий общекатегориальное значение и конкретные семантические темы разного уровня абстракции и разной степени детализации. Так, абстрактный концепт «предмет» конкретизируется по связи с другими предметами как помещение – для домашних животных (*коровник*, *конюшня*), для птиц (*скворечник*, *голубятня*), для людей (*учительская*, *детсад*), вместилище для конкретных предметов (*молочник*, *салатница*).

Словообразовательные значения многочисленны и разнообразны. Это обусловлено многообразием действительности, разнонаправленностью связей и отношений между реалиями и сложностью типов знаний, которые передаются в языке. Каждая часть речи по-своему отражает картину мира и входит в словообразовательный процесс своими особыми, присущими только ей гранями, притягивая определенные форманты, которые трансформируют исходное значение в новые категориальные значения.

Для обозначения словообразовательной активности отдельных частей речи используется понятие словообразовательного потенциала.

Словообразовательный потенциал – это совокупность всех возможных производных каждой части речи. Большой словообразовательный потенциал имеют глаголы. Они реализуют наиболее определенные и регулярные словообразовательные значения. Словообразовательный потенциал глаголов включает межчастеречное словообразование,

когда значение действия преобразуется в значение предмета, лица, признака, и внутривидовое словообразование, когда значение действия сочетается с дополнительными семантическими модификациями (начало, конец, продолжительность, интенсивность действия). Глагол обозначает глобальное событие (ситуацию), в котором принимают участие лица, предметы, средства действия и т.д. Чаще всего от глаголов образуются наименования лица: *покупать* – *покупатель*, *оккупировать* – *оккупант*. Частотными являются производные, обозначающие орудие действия: *бриться* – *бритва*, *расчесывать* – *расческа*. От глаголов регулярно образуются наименования места, где совершаются действия: *заправиться* – *заправка*, *строить* – *стройка*. Продуктивными являются обозначения объекта: *записать* – *записка*. От глаголов образуются также наименования признаков: *сушить* – *сушеный*, *молоть* – *молотый* [2, с. 76-77].

Существительные также обладают большим словообразовательным потенциалом. Предметы, реалии, с которыми сталкивается человек в своей практической деятельности, многочисленны и разнообразны. Взаимодействие предметов и лиц создает многообразие словообразовательных значений. Например: предмет – лицо: *гармонь* – *гармонист*; место – лицо: *гора* – *горец*; место работы, учреждение – лицо: *банк* – *банкир*; вид занятия – лицо: *бизнес* – *бизнесмен*; орудие действия – лицо: *трактор* – *тракторист*; средство действия – лицо: *кружево* – *кружевница*; лицо – организация, учреждение: *адвокат* – *адвокатура*; событие, действие – лицо: *конкурс* – *конкурсант*.

Особые словообразовательные значения детерминируются взаимодействием предметов, которое раскрывает разные стороны их восприятия и использования в практической деятельности человека: предмет – вместилище: *соль* – *солонка*, *бумага* – *бумажник*; предмет – место: *лед* – *ледник*, *руда* – *рудник* и др. Однако часто значение слова в целом больше, чем сумма значений его составляющих. В дериватах имеются дополнительные семантические компоненты, которые не передаются словообразовательным формантом. Они выражают индивидуальное значение слов. Такой компонент обычно называют «фразеологическим элементом значения» [1, с. 47]. Например, *читатель* – тот, кто читает что-либо (словообразовательное значение состоит из суммы значений *читать* + *лицо*), *строитель* – тот, кто строит. Слово *строитель* кроме словообразовательного значения действие + *лицо* содержит фразеологический элемент семантики «профессия», который не передается ни формантом, ни исходным словом.

Особенно наглядно фразеологический элемент значения проявляется в производных, образованных от названий частей суток: *утро*, *день*, *вечер*, *ночь*. Слова, имея общее значение отношения ко времени суток и объединенные суффиксом *-ник*, получают индивидуальные лексические значения. Ср.: *утренник* – «утренний спектакль»; *дневник* – «тетрадь для ежедневных записей»; *вечерник* – «студент вечернего института или техникума»; *ночник* – «лампа слабого освещения, зажигаемая на ночь», «тот, кто работает в ночное время».

Семантика производящего слова выступает как бы фундаментом, на котором «воздвигается» семантика производного слова.

Таким образом, смысловая структура производного слова образует иерархически организованную структуру компонентов максимальной степени абстрагированности (значение отношения), «серийности», или класса (словообразовательное значение) и индивидуализации семантики (фразеологическое значение), которая определяется направленностью производного слова на определенный денотат.

Список литературы

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Изд-во КомКнига, 2005. 224 с.
2. Колоколова Л.П. Современный русский литературный язык (Морфемика. Словообразование). СПб.: Политехника-сервис, 2019. 173 с.
3. Лангакер Р. Когнитивная грамматика. М.: Языки славянской культуры, 1992. С 35-36.

10.02.01

Ю.В. Марандич, Е.В. Меркель д-р филол. наук, В.С. Шишаева

Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри,
кафедра филологии,
Нерюнгри, marandi2000@mail.ru, merkel-eyandex.ru, shishaeva01@inbox.ru

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ТОПОНИМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ЖИГАНСКОГО УЛУСА

В статье представлены предварительные результаты исследования топонимов одного из арктических районов Якутии – Жиганского улуса. Топонимикон района исследования отражает результаты освоения территории путем «многослойной» миграции. Осуществлена классификация собранных топонимов по виду объекта, представлены статистические данные по результатам анализа топонимов в этимологическом аспекте.

Ключевые слова: *Жиганский улус, топоним, ойконим, гидроним, несоним, ороним, этимология.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что совокупность топонимов Жиганского улуса до настоящего времени остается малоизученным разделом топонимики Якутии. Топонимика северных районов Якутии еще не была предметом специальных научных исследований несмотря на то, что изучение топонимии Республики Саха (Якутия) имеет свою, сравнительно недолгую историю.

Помимо этого, актуальность данного исследования подкрепляется тем, что с течением времени меняются социально-экономические условия и вследствие этого происходит сдвиг в топонимической системе. Развитие промышленности, демографические изменения, исчезновение мелких населенных пунктов – все эти процессы приводят к полному исчезновению топонимов, а следовательно, и истории. Исходя из этого необходимо как можно скорее произвести сбор материала, изучить его и зафиксировать в виде регионального словаря местных географических названий как части культурного наследия народов, населяющих северную часть Якутии.

Цель нашей работы - дать описание топонимическому материалу Жиганского улуса Республики Саха, одного из самых удаленных районов Якутии, известного в России как самое северное место ссылки [1].

В качестве объекта исследования выступают названия сел и поселков, в том числе нежилых, а также наслегов и местностей; названия рек, озер, проток, ручьев; наименования островов.

Сбор корпуса топонимов осуществлялся посредством работы со следующими картами: «Якутская АССР» (1935 г.); «Административная карта Якутской АССР» (1958 г.); «Топографическая карта СССР» (1984 г.); «Карты СССР. Жиганск» (1985 г.); «Жиганский улус» (1997 г.).

Источником этимологии для нас послужили данные топонимической картотеки М.С. Иванова (Багдарыын Сүлбэ), представленные в работах как самого Багдарыын Сүлбэ [3, 4], так и его последователей [2]. Значительный вклад в наше исследование внесли работы Ф.К. Комарова [15, 16], а также исследования тунгусоведа Г.М. Василевич [8, 9, 10, 11].

В ходе камеральных работ нами были зафиксированы 181 топоним Жиганского улуса, в числе которых: гидронимы (146 единиц, 80.7%), ойконимы (22 единицы, 12.2%), несонимы (4 единицы, 2.2%), оронимы (2 единицы, 1.1%). Остальные топонимы (7 единиц, 3.8%) не были квалифицированы в связи с отсутствием информации.

Общее количество проанализированных гидронимов составило 146 единиц, из них:

1) *наименования рек* – 94 (64.4 %) (Агдай, Бестях, Делінде, Куоҕас Улуйбүт Боторчууна, Лэна, Лінде, Нуора, Онкучах-Юрэх, Ундюлюнг, Халдан и др.);

2) *наименования озер* – 37 (25.3%) (Адагалáх, Билилáх, Делíнде, Кóнора, Соболо́х, Улахáн-Кюёль и др.);

3) *наименования ручьев* – 10 (6.8%) (Бырахсандьаа, Бырандjá, Нíмингде, Ньалча́ар, Ньэлкэскиит, Ондондо, Сиибэрэнэ, Сэбэки, Тонуулаах, Улакы́т);

4) *наименования проток* – 2 (1,4 %) (Кюля́нгке-Тёбю́лех, Тамир-Баклык).

Общее количество проанализированных ойконимов составило 22 единицы, из них:

1) *наименования сел* – 5 (22.7%) (Ба́ханай, Бестя́х, Джарджáн, Жигáнск, Кыстатыáм);

2) *наименования поселков* – 4 (18.2%) (Алакит, Уолба́, Натáра, Харгы-Били).

3) *наименования населгов* – 4 (18.2%) (Куо́нара, Оһобостооһ, Хатыгын, Чорду), из них Оһобостооһ и Хатыгын являются бывшими населенными пунктами.

4) *наименования местностей* – 2 (9.1%) (Пятилетка Кумаба, Эннэ́ли).

Часть ойконимов (7 единиц, 31.8%: Бюгёр-Юрjáх, Дянхан, Картылах, Лíнде, Мэ́нкэрэ, Собо́л, Улахáн-Кюёль) по причине отсутствия информации не были отнесены ни к одному из видов ойконимов.

Также нами были обнаружены несонимы – 4 (Алла́х, Баабысаптаах, Куормакы́т, Хомодуур) и оронимы – 2 (хребет Бырандjá и Ундюлю́нгский хребёт).

В связи с недостатком информации не удалось определить тип следующих топонимов: Амы́тты, Дьолобуун, Дьолобуун Урэ́бэ, Иктэ́нгэлээх, Муйус Дьолобууна, Ньыкыр Чуостаа́а, Сээн Дьолобууна.

Этимологический аспект изучения позволил нам раскрыть происхождение и толкование ряда топонимов Жиганского района.

Топонимическая лексика исследуемой территории представлена образованиями из разных языков, что отражает результаты освоения территории путем «многослойной» миграции. Из проанализированных нами топонимов наибольшую группу составили названия тюркского (якутского) происхождения – 50 единиц (27.6%) и названия тунгусо-маньчжурского происхождения, включая топонимы эвенкийские и/или эвенские – 49 (27.1%). Это, в первую очередь, связано с тем, что в Жиганском районе более 2-ух веков по численности преобладают именно якутские и эвенкийские этнические группы. Также нами зафиксировано 2 (1.1%) наименования русского происхождения (Пова́рня, Северная), 4 (2.2%) тополексемы монгольского (бурятского) происхождения (Ньалча́ар).

Выявлены названия гибридного происхождения – 6 единиц (3.3%), из которых простыми по структуре являются 4. Их можно разграничить на следующие группы по особенностям образования: 1) слова с эвенкийской основой и русским суффиксом – 1 (Индигíрка); 2) слова с эвенкийской основой и якутским суффиксом – 1 (Ньычаалаах); 3) слова с якутской основой и русским суффиксом – 1 (Хоруонгка).

Два топонима относятся к составным гибридным лексемам, в составе которого русское слово и субстратное образование – Ма́лый Хомýс-Юрjáх, Пятилетка Кумаба. Еще одна лексема – Кыстатыáмка – имеет в своей структуре русский суффикс и основу, установить язык-источник которой нам не удалось.

В отдельную группу нами выделены топонима, происхождение которых имеет двойное толкование. В качестве примера рассмотрим версии происхождения топонима Томпо. В словаре Э.К. Пекарского якутское слово *томпо* переводится как «водоворот» [17]. В. Охлопков полагает, что «эвены реку называют Томка, а не Томпо, в отличие от якутов. *Томка* - эвенское слово, означает “сучить нитки”» [Цит. по: 4, с. 160-161]. Однако известный тунгусовед Г.М. Василевич придерживается иной точки зрения, считая лексему *Томпо* топонимом нетунгусского происхождения [11]. Ф.К. Комаров причисляет этот топоним к юкагирским. Отметим, что именно Ф.К. Комаров считает, что территория Якутия ранее была занята юкагирами. Так, исследователь пишет, что «когда-то юкагиры были многочисленным, сильным и воинственным народом. Столкнувшись с ним на территории Якутии в IX-XII вв. тунгусо-маньчжурские, а позже тюрко-монгольские племена встретили в бассейнах Лены, Яны, Колымы, Вилюя, Анабара охотников на дикого северного оленя и озерных рыбаков в таком количестве, что в якутских преданиях северное сияние называлось юкагирото, т.е.

«юкагирскими огнями» [14].

Известный ученый С.В. Бахрушин в своей статье «Исторические судьбы Якутии» пишет: «палеоазиатские народности были задолго до русских оттеснены на север наступлением с юга новых племен. То были тунгусы, которые еще в XVII веке продолжали тревожить юкагиrow на Яне» [5]. А.А. Бурыкин, языковед, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков и сравнительно-исторического языкознания, также придерживается мнения о том, что тунгусы, как и якуты, являются пришлым народом [7].

Однако на данный момент другие топонимы юкагирского происхождения пока нами не обнаружены.

Представленные результаты являются лишь начальным этапом в исследовании топонимики Жиганского улуса, дающими общие представления об истории заселения и освоения данной территории. Дальнейшее проведение камеральных и полевых работ даст возможность ввести в научный оборот сведения о топонимах арктической зоны Якутии этимологического, лексико-семантического, структурно-словообразовательного, культурного и исторического характера.

Список литературы

1. Андреева Я. Политическая ссылка в Жиганске // Жиганский улус. История. Культура. Фольклор / Сост. М.И. Шадрина; ред. И.И. Николаев. Якутск: «Сахаполиграфиздат», 2002. С. 26-28.
2. Багдарыын Ньургун Сүлбэ Уола. Рыболовная лексика в топонимии северо-запада Республики Саха. Тамбов: Грамота, 2018. №10 (88). Ч.1.С.45
3. Багдарыын Сүлбэ. Из топонимии улуса Эдьигээн (Жиганский) // Жиганский улус. История. Культура. Фольклор / Сост. М.И. Шадрина; ред. И.И. Николаев. – Якутск: Бичик, 2012. С. 22-26.
4. Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии (Краткий научно-популярный очерк). Якутск: Кн. изд-во, 2004. 192 с.
5. Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Якутия. Сборник статей / Под ред. П.В. Виттенбурга. Л.: Изд-во АН СССР. 1927. С. 283.
6. Берг Л.С. История географического ознакомления с Якутским краем // Якутия. Сборник статей / Под ред. П.В. Виттенбурга. Л.: Изд-во АН СССР. 1927. С. 1-38.
7. Бурыкин А.А. Имена собственные как исторический источник (по материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков). СПб: Петербургское Востоковедение, 2013. 536 с.
8. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Сов. этнография. 1946. № 4. С. 34-49.
9. Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Сов. этнография. 1946. № 4. С. 34-49.
10. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVII — начало XX в.). Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1969. 304 с.
11. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гиинс, 1958. С. 363.
12. Дьячковский Ф.Н. Способы образования народной терминологической лексики саха (на материале наименований жилых и хозяйственных построек) // Сибирский филологический журнал. 2017. №1. С. 221-227.
13. Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Мирный: Мирнинская городская типография, 1996. 186 с.
14. Комаров К.Ф. Былое расселение юкагиrow по данным топонимии // Топонимика СССР / Отв. редакторы: Е.М. Пospelов, Т.П. Соколова. М.: МФГО, 1990. С. 12.
15. Комаров Ф.К. Словарь географических названий Якутской АССР / Ред. П. П. Барашков. М.: ЦНИИГАиК, 1987. 315 с.
16. Комаров Ф.К. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964. 101 с.
17. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Том III. Часть I. Ленинград: изд-ие Академии Наук СССР, 1927. С. 2722

10.02.01

Ян Фан канд. филол. наук

Шэньянский политехнический университет,
институт иностранных языков,
кафедра русского языка,
Шэньян, yangfang2010@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В процессе обучения китайских студентов русскому языку важно обращать внимание на различия в лексической системе русского и китайского языков. Это поможет избежать трудностей в преподавании русского языка в китайской аудитории, а также преодолеть проблему возникновения интерферентных ошибок в речи обучающихся. В статье рассмотрена значимость применения сравнительно-сопоставительного метода в преподавании китайским студентам русского языка; проанализированы примеры лексических единиц, демонстрирующие явные различия их семантики в русском и китайском языках.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный метод, русский язык, обучение китайцев, лексические особенности, коннотативный компонент.

В связи с развитием межкультурной коммуникации в XXI веке методика преподавания русского языка как иностранного претерпевает существенные изменения. При этом некоторые методы обучения остаются неизменно актуальными, в их числе сравнительно-сопоставительный метод. Он обеспечивает активное усвоение обучающимися новых знаний: сравнение требует проведения аналитической работы студентов, понимания теоретических основ родного языка и изучаемого, способствует развитию языковой компетенции студентов.

Освещение проблемы сопоставления, возникающей при овладении иностранными языками, находит отражение в работах ряда исследователей. Так, А.В. Богачева и М.Д. Макаров считают, что во время работы со студентами-иностранцами полезно проводить сравнительно-сопоставительный анализ фактов изучаемого языка с фактами родного языка, что способствует устранению давления системы родного языка на изучаемый, когда изучение последнего ещё не достигло автоматического овладения [1].

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, цель изучения мира носителей языка – помочь понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые компоненты: политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи [2]. Одной из важнейших задач в процессе преподавания РКИ является формирование у обучаемых способности воспринимать язык на уровне, близком к восприятию носителей языка. Для этого необходимо не только усвоение иностранцами языковых единиц, овладение речевыми навыками и умениями, но и понимание национально-культурных компонентов значений слов изучаемых языков [3].

Цель данной статьи – рассмотреть применение сравнительно-сопоставительного метода в обучении лексике русского языка китайских студентов-филологов, с акцентом на явление неполноэквивалентности межъязыковых лексических соответствий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью решать проблемы, связанные с преподаванием типологически неродственных языков вне языковой среды. Новизна работы заключается в анализе многозначных русских и китайских лексических единиц в сопоставительном плане с учётом контекста и своеобразия отражения компонентов русской культуры в семантике

слова. Анализ проводится на материале пособий по переводу с китайского языка на русский, изданных в Китае.

В преподавании русского языка в Китае у сравнительно-сопоставительного метода другое наименование – грамматико-переводной метод, который имеет особое значение и в настоящее время [4].

При обучении китайских учащихся русскому языку необходимо учитывать, что, в отличие от китайского языка, в котором преобладают аналитические средства выражения грамматических значений, в русском языке средства лексической и морфологической систем более разнообразны. Поэтому большое внимание необходимо уделять упражнениям, основанным на методе сопоставления в отношении многозначности лексических единиц и системы частей речи двух языков.

Ввиду наличия разного исторического фона объём лексических значений слов китайского языка не полностью совпадает с таковыми в русском языке. Поэтому при переводе особую трудность для китайских учащихся представляет проблема выбора слов. Если не учитывать специфику ситуации, культуры и национальных традиций, у китайских студентов велик риск использовать так называемый «китаизм». Например, *Я вырос в провинциальном городе Шэньяне; Шэньян – провинциальный центр*. Слово «провинциальный» носит яркую национальную окраску в русской языковой картине мира. В сознании русских провинциальное место – это глухое, далёкое место. А город Шэньян – это административный центр провинции Ляонин.

С.Г. Тер-Минасова подчёркивает, что все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении [2]. Однако на уровне языковой картины мира эти различия не видны, и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными. Так, способы словесного выражения одних и тех же реалий внеязыковой действительности могут быть разными, например, подвижная конечная часть кисти руки и стопы ноги по-русски называется *палец*. В китайском языке необходимо уточнить, что имеется в виду: *指* *палец* руки или *趾* *палец* ноги.

Лексически фиксированные понятия в двух языках по объёму далеко не всегда совпадают: часто понятия, находящие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка, как бы включают в себя последние, т.е. оказываются родовыми относительно видовых понятий другого языка. Например, *пальцы* – *指, 趾*; *часы* – *钟* (стенные), *表* (ручные или карманные); *нога* – *脚* (нижняя конечность человека от лодыжки до пальцев), *腿* (нижняя конечность человека от тазовой кости до пятки); *рука* – *手* (верхняя конечность человека от запястья до пальцев), *胳膊* (верхняя конечность человека от плеча до пальцев); *масло* – *油* (растительное), *黄油* (сливочное).

Русская лексика, обозначающая родство, характеризуется отсутствием дифференциации родства по отцу и по матери. Количество сем у большинства слов, обозначающих родство, в китайском языке больше, чем в русском [5].

Например, в русском языке слово *тётя* передаёт обобщённое значение по сравнению с китайским эквивалентом: *伯母* (*тётя* – жена старшего брата отца), *婶母* (*тётя* – жена младшего брата отца), *舅母* (*тётя* – жена брата матери), *姑母* (*тётя* – сестра отца), *姨母* (*тётя* – сестра матери). Аналогичная ситуация со словом *дядя* *伯伯* – старший брат отца, *叔叔* – младший брат отца, *舅舅* – старший / младший брат матери.

Приведём пример из классического китайского романа Цао Сюэциня «Хун лоу мэнь» («Сон в красном тереме»): – *Право же, бывают в Поднебесной люди с такой прекрасной внешностью! А я только сейчас впервые увидела! И вид у нее не такой, как у внучки по материнской линии, она похожа скорее на внучку по мужской линии. Не удивительно, что вы все время только и вспоминали о ней!* [6]

Приведённый фрагмент отражает ситуацию, в которой Ван Сифын похвалила Дайюй с целью польстить бабушке. Слово «внучка» адекватно двум китайским словам: внучка по материнской линии (*外孙女*) и внучка по мужской линии (*孙女*). В китайской традиционной культуре внучка по мужской линии в семье занимает более важное место, чем по женской,

данный пример показывает своеобразие китайской семейной традиции, доминирующей основой которой является мужское начало.

Некоторые понятия, важные для одного народа, могут быть вовсе не известны другому народу. У разных народов сходные понятия могут иметь различное содержание. Например, в русском языке различаются *кислое молоко, йогурт, кефир, простокваша, айран, бифидок, бифитон, бифилукс и ряженка*, а в китайском языке их называют одним словом «*酸奶*». Китайское слово «*酸奶*» является для русского языка родовой лакуной, так как в русском языке не существует соответствующее видовое слово. Аналогичным примером является *蓝色 – синий и голубой* [7].

Многозначность является яркой чертой китайской лексики, как и русской, поэтому при сопоставлении китайского слова с русским эквивалентом необходимо учитывать контекст. Например, значение китайского слова *东西 (вещь)* меняется от контекста: *В восемь лет я уже научилась закладывать вещи в ломбард; Из последних сил я должна поднять свою ношу до прилавка; Груз не очень тяжёлый, но для такой тележки он слишком тяжёл; Мы существуем в трехмерном пространстве – длина, ширина и высота – таким образом мы ощущаем объёмность предметов; Читайте побольше произведений Лу Синя; Не потерял ли ты что-нибудь?; Да что он такое?* [6]

Многолетняя практика преподавания русского языка показывает, что китайские учащиеся в большинстве случаев переводят словосочетания, опираясь на принятую в родном языке сочетаемость слов, что приводит к ошибкам, которые нередко становятся причиной коммуникативного барьера как в устной, так и в письменной речи. Языковая специфика слов разных языков проявляется в тех случаях, когда слова, эквивалентные друг другу в одном контексте, не входят в одну и ту же семантико-синтаксическую позицию в других контекстах. Для адекватного перевода на другой язык нужно употребить иные слова, подходящие к данному контексту. Ср., например, *打(бить)* в русском и китайском языках имеет одинаковое основное значение, однако производное значение у слова *打* различное. Так, русскому варианту *звонить по телефону* соответствует китайский вариант *打电话* (буквальный перевод: *ударять по телефону*); *взять такси – 打车* (*ударить по машине*); *идти за водой – 打水* (*ударить по воде*); *печатать на клавиатуре компьютера – 打字* (*ударять по буквам, письменным знакам*); *работать временно – 打工* (*ударять по работе*).

В перечисленных примерах слова *звонить, взять, идти, печатать, работать* обозначаются в китайском языке одним и тем же словом *打*. Но в русском языке в этих словосочетаниях нет семантики «действие битья». В крайнем случае его можно усмотреть в слове *печатать*.

Для успешного овладения русским языком важно не только обращать внимание на его безэквивалентную лексику, но и тщательно работать с его лексическими единицами, которые имеют соответствия в китайском языке и тем или иным образом отличаются от последних.

При обучении иностранному языку сопоставление должно выступать как непрерывный, длительный и последовательный процесс. Например, работая сначала над лексическим значением отдельных русских слов, следует переходить к значению отдельных тематических групп (*берёза, сосна, ель – деревья – 白桦树, 松树, 云杉, 树*), к лексическим значениям целых фраз, фразеологических выражений (*работать спустя рукава – 马马虎虎地工作*). Учащихся следует вовлекать в творческий процесс, предлагая составить диалог, рассказ, написать сочинение-миниатюру на русском языке. При этом на всех этапах обучения нужно развивать умение сопоставлять факты родной и изучаемой культур. Для сопоставления можно использовать тематические словари, толковые словари русского языка, толковые словари китайского языка, Базовый словарь китайского языка (*汉语800字*) и многие онлайн-словари и материалы, которые наглядно описывают разные лексические группы.

Все тонкости и вся глубина проблем становятся очевидными, а иногда и просто осознаваемыми при сопоставлении русского языка с китайским, русской культуры – со своей, родной, привычной. Сопоставление культур и языков позволяет сформировать более

полное и многогранное понимание культуры носителей русского языка. Русская и китайская культуры имеют абсолютно разные истоки и основы формирования, что и обуславливает значительные расхождения национально-культурных компонентов значений слов двух языков. Выявление национально-культурной специфики семантики лексических единиц русского языка с позиции носителя китайского языка способствует эффективности обучения русскому языку в китайской аудитории.

Сравнительно-сопоставительный метод позволяет китайских учащимся ощутить интерес к изучаемому на занятиях материалу, активизировать процесс познания, сформировать положительную мотивацию к изучению русского языка, глубже проникнуть в культуру и быт русского народа, не допускать интерферентных ошибок.

Углубленное внимание к проблемам сопоставления в методике преподавания русского языка как иностранного акцентирует внимание на слове как важнейшей единице языка и речевой деятельности. Выявление коннотативных компонентов слова наполняет его национально-культурным содержанием.

Список литературы

1. Богачева А.В., Макаров М.Д. Сравнительно-сопоставительный метод при изучении способов выражения предметно-количественного значения на уроках РКИ // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – №1(62). – С. 308-309.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М.: Слово, 2000. – С. 31-48.
3. Федюковская М.Г. Роль этнопсихологических факторов в обучении британских студентов русскому языку: дис. канд. филол. наук. – М., 1999. – С. 64.
4. 刘玉宝. 俄语翻译教学若干问题探析[J] 中国俄语教学, 2009 (4). (Лю Юйбао. Некоторые вопросы в обучении переводу в РКИ // Русский язык в Китае. – 2009. – № 4. – С. 86-89.)
5. Цюй Юян Лингвокультурологический анализ систем терминов родства в русском и китайском языках // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 12. – С. 149-152.
6. 胡谷明. 汉俄翻译教程[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2010. (Ху Гуминь. Пособие по переводу с китайского языка на русский. – Шанхай: Иностранные языки и просвещение, 2010. – 411 с.)
7. 顾柏林. 汉俄大词典[Z]. 上海: 上海外语教育出版社, 2009. (Большой китайско-русский словарь / под ред. Гу Болинъ. – Шанхай: Иностранные языки и просвещение, 2009. – 2877 с.)

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ*10.02.04***Ж.Г. Жигунова канд. филол. наук, Е.В. Шило**

Омский государственный технический университет,
факультет гуманитарного образования,
кафедра «Иностранные языки»,
Омск, jigunova@inbox.ru, hardenite@mail.ru

**СИНОНИМИЯ ЭПОНИМОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

В статье исследуется явление синонимии эпонимных терминологических единиц англоязычной терминологии социальной работы. Эпонимные термины составляют неотъемлемую часть терминологии большинства сфер профессиональной деятельности, формируя особый пласт специальной лексики. Проведенный анализ позволил выявить синонимические ряды, содержащие в себе термины-эпонимы и установить основные причины терминологической синонимии.

Ключевые слова: *эпоним, эпонимный термин, синоним, синонимический ряд, терминология социальной работы.*

Социальная работа как сфера профессиональной деятельности включает в себя широкий спектр задач, решение которых требует определенных знаний и навыков не только в области социальных отношений, но и ряда смежных отраслей. Специалисты данной сферы должны уметь предотвращать различные риски, определять источники уязвимости клиентов, способствовать достижению социального благополучия индивидов, различных социальных групп и общества в целом. В ходе реализации вышеуказанных целей социальный работник взаимодействует как с клиентами, так и со специалистами других сфер деятельности. Владение терминологией социальной работы, отражающей ключевые аспекты данного вида профессиональной деятельности, позволяет специалисту обеспечивать высокий уровень коммуникации в различных ситуациях. Англоязычная терминология социальной работы представляет собой динамично развивающуюся систему и вызывает интерес исследователей в области терминоведения [1, 2]. Терминологические исследования в свою очередь используются при подготовке специалистов в сфере социальной работы.

Активное пополнение лексического состава англоязычной терминологии социальной работы (как и большинства терминологий) сопровождается возникновением терминологической синонимии, что обусловило цель нашей работы - выявить основные характеристики английских терминов эпонимов вступающих в синонимические отношения.

В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи: 1) выявить синонимические ряды и особенности терминологических единиц их составляющих; 2) определить причины, лежащие в основе синонимии исследуемой терминологии; 3) установить наличие абсолютных либо относительных синонимов; 4) проанализировать эмоциональную окрашенность исследуемых терминов.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: 1) метод сплошной выборки; 2) метод количественных подсчетов и процентных характеристик; 3) метод сравнения дефиниций; 4) метод контекстуального анализа.

Синонимия представляет собой достаточно распространенное языковое явление в рамках национального или общелитературного языка и проявляется на всех его уровнях. Различают фразеологическую, грамматическую, словообразовательную и лексическую синонимию [5]. Говоря о синонимии в языке для специальных целей, мы имеем в виду именно лексическую синонимию.

В настоящее время имеется много работ, посвященных исследованию синонимии терминов отдельных отраслей науки и техники, однако, вопросу синонимии терминов-эпонимов, в частности англоязычной терминологии социальной работы, уделено значительно меньше внимания, поэтому мы считаем данную проблему актуальной и требующей рассмотрения.

Исследуя проблему синонимии терминов-эпонимов необходимо уделить внимание таким вопросам как: синонимия термина и синонимия эпонима (лексической единицы выражающей имя собственное).

Отношение исследователей к терминологической синонимии достаточно неоднозначно.

С точки зрения традиционного терминоведения синонимия термина является нежелательной. Так, например, Е.Н. Толикина исключает наличие синонимии в терминосистемах, полагая, что термины могут вступать в синонимические отношения только как дублиеты [9]. С.В. Гринев-Гриневиц указывает на то, что использование синонимов часто вызывает у специалистов неуверенность в обозначении различными словами одного и того же понятия и соответственно приводит к затруднению взаимопонимания [3, с. 103]. Однако, по справедливому замечанию В.П. Даниленко «...категорическое запрещение синонимов все равно не выдерживается и вступает в противоречие с практикой употребления этих терминов» [4, с. 176].

В последние годы ученые-исследователи все чаще в своих трудах склоняются к мнению о том, что явление синонимии термина не только не является чем-то нежелательным, противоречащим языковой природе термина как единицы языка для специальных целей, но и вполне закономерно с точки зрения формирования и развития терминологий отдельных сфер профессиональной деятельности [7, 8].

Проведенное ранее исследование [1, с. 101-110] показало, что для англоязычной терминологии социальной работы характерно такое лингвистическое явление, как синонимия. В синонимические отношения вступают 20 % терминов.

Рассматриваемым здесь эпонимным терминам также присуще это семантическое свойство. Материалом для их выборки послужили словари [6, 10, 11]. Нами было обнаружено, что исследуемые терминологические единицы, входят в синонимические ряды, которые содержат от 2 до 5 членов. В нашей выборке насчитывается 26 таких рядов. Следует отметить, что в них могут присутствовать как эпонимные термины, так и те, в которых отсутствует имя собственное.

Большинство синонимических рядов, а именно 14, являются бинарными, т.е. составляют синонимическую пару, имеющую одно и то же значение, например: **Down's syndrome** – синдром Дауна и его устаревший вариант **Mongolism** – монголизм, **Oedipus complex** – Эдипов комплекс изначально был назван самим Фрейдом **nuclear complex**, **Briquet's syndrome** – синдром Брикэ имеет синоним **somatization disorder** – соматизированное расстройство, **Freudian slip** = **parapraxis** – «фрейдистская» оговорка; оговорка, выдающая тайные побуждения говорящего. Как видно из примеров, в некоторых парах синонимов оба термина являются эпонимными, в других – только один.

Далее рассмотрим 12 выявленных нами полинарных синонимических рядов. Восемь из них состоят из трех членов. В этих синонимических рядах эпонимными могут быть от одного до трех терминов, например: **Keogh plans** = **HR10 plans** = **Qualified Plans** – планы Кеога = пенсионный план с налоговыми льготами; **Tourette's disorder** = **Gilles de la Tourette's disease** = **multiple tic disorder** – болезнь Туретта, **Korsikoff's disease** = **Korsikoff's syndrome** = **Korsakoff's amnesic syndrome** – Корсаковский синдром алкогольный. В синонимических рядах, состоящих из трех членов, встречаются аббревиатуры, содержащие в себе сокращения от имени собственного, например: **Alzheimer's disease** = **Alzheimer's** = **AD** – болезнь Альцгеймера, **Creutzfeldt-Jakob disease** = **classic Creutzfeldt-Jakob disease** = **CJD** – болезнь Крейтцфельда-Якоба.

В ходе исследования нам удалось выявить два синонимических ряда, содержащих по четыре термина: **Asperger's disorder = Asperger's syndrome = Asperger's = AS** – синдром Аспергера, **Delphi method = Delphi technique = Estimate-Talk-Estimate = ETE** – дельфийский метод = метод структурированной коммуникации и два ряда, включающих в себя по пять терминов: **Kaposi's sarcoma** – Капоши саркома = **angiosarcoma** – ангиопластическая саркома = **multiple idiopathic hemorrhagic sarcoma** – саркома идиопатическая множественная геморрагическая = **Kaposi's angiomas** – Капоши ангиоматоз = **Kaposi's hemorrhagic sarcoma** – Капоши геморрагическая саркома, **Gulf War syndrome = GWS = Persian Gulf syndrome = Gulf War illness = GWI** – синдром Персидского залива. Очевидно, что в этих рядах в синонимические отношения вступают эпонимные термины, аббревиатуры, содержащие в себе сокращения от имени собственного и термины, в которых отсутствует эпоним.

Таким образом, согласно полученным результатам, количество членов в синонимическом ряду колеблется в пределах от двух до пяти. Большинство синонимических рядов, а именно 14 из 26, т. е. 54 % являются бинарными. Эпонимные термины вступают в синонимические отношения как с подобными себе единицами, так и с теми, в которых имя собственное отсутствует, а также с сокращенным вариантом терминологического сочетания.

К основным причинам синонимии можно отнести:

- наличие устаревшего термина: **Down's syndrome = Mongolism**;
- синхронное существование полного и краткого вариантов одного и того же термина:

Bender gestalt test = BGT;

- наименование одного и того же явления эпонимным термином и тем, в котором имя собственное отсутствует: **Tay-Sachs disease = infantile type of cerebral sphingolipidosis**;

- замена одного из компонентов эпонимного терминологического сочетания на синонимичный: **Gulf War syndrome = Gulf War illness**.

Характерной особенностью проанализированных терминов является их тождественность в значении и взаимозаменяемость в любом контексте, т.е. данные единицы являются абсолютными синонимами.

Следует отметить, что рассмотренные нами синонимичные ряды содержат эмоционально нейтральные термины, исключением являются лишь **Uncle Tom** – дядя Том = **white man's black man** – черный человек белого человека. Эпонимный термин с именем персонажа романа Г. Бичер Стоу и его синоним имеют негативную эмоциональную окрашенность, т.к. используются для характеристики темнокожего человека, чье поведение по отношению к белым считается раболепствующим и выражают презрительное отношение к такому человеку.

Исследования, посвященные проблеме синонимии лексических единиц языка для специальных целей, представляют собой особый пласт научных работ в области терминоведения, так как вопрос о синонимии термина и в наши дни остается дискуссионным. Разработка проблемы синонимии эпонимных терминов в рамках отдельной терминологии представляется весьма перспективной с точки зрения относительно малой степени освещения данного вопроса в научных работах, а также уточнения и пополнения знаний об аспектах эпонимной номинации.

Список литературы

1. Алейникова Т.В., Жигунова Ж.Г. Английская терминология социальной работы. Омск: ОмГТУ, 2010. 124 с.
2. Бурсина О.А. Терминология социальной работы: структура, семантика и функционирование (на материале англоязычной литературы для социальных работников): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург. 2014. 24 с.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
4. Елисеева В.В. Лексикология современного английского языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 232 с.
5. Жигунова Ж.Г. Англо-русский словарь терминов по социальной работе. Омск: ОмГМА, 2003. 68 с.
6. Таранова Е.Н., Бубырева Ж.А., Таранов А.О. Проблема синонимии в специальной терминологии // Вестник ТГПУ. 2016. № 2 (167). С. 55-60
7. Тенёва И.В. Терминологическая синонимия в английском подязыке фотографической техники // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2017. Том 7, № 3 (24). С. 21-26
8. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 61-62
9. Barker R. The Social Work Dictionary. 2nd ed. Silver Spring (Maryland, USA): NASW Press, 1991. 287 p.
10. Barker R. The Social Work Dictionary. 3rd ed. Washington, DC, USA: NASW Press, 1995. 462 p.

10.02.04

О.В. Рамантова канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В. И. Ульянова (Ленина),
гуманитарный факультет,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, ms.ramantova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ “ОСОЗНАННОГО ПУТЕШЕСТВИЯ” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТРЭВЕЛ-ДИСКУРСЕ

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день изучению трэвел-дискурса и содержит результаты исследования некоторых аспектов языковой актуализации “осознанного путешествия”. В работе раскрывается понятие “осознанное путешествие”, обосновывается роль автора в повествовании. В ходе исследования выявлены языковые средства и приемы, образующие особый стиль повествования в текстах категории slow travel/intelligent travel. Полученные результаты позволяют утверждать, что концепция “осознанного путешествия” имеет определенную лингвостилистическую специфику языкового выражения, которая, в свою очередь, способствует созданию типичного для текстов о медленном путешествии аутентичного характера изложения.

Ключевые слова: антропоцентризм, медленное путешествие, осознанное путешествие, перцепция, трэвел-дискурс.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать способы языковой актуализации концепции “медленного путешествия” в современном англоязычном трэвел-дискурсе. **Актуальность** данного исследования обусловлена, в первую очередь, тем, что сфера туризма в настоящее время является активно развивающимся направлением человеческой деятельности и привлекает внимание не только исследователей социологических и экономических областей научного знания, но и лингвистов, а обоснованность интереса читателя к медийным материалам о путешествиях в связи с их развивающей и культуuroобразующей функцией не вызывает сомнений. Настоящее исследование проводится в русле современной антропоориентированной парадигмы и поэтому направлено на изучение языка трэвел-текстов в тесной взаимосвязи с человеком, активно познающим мир и воплощающим его через призму собственного восприятия в увлекательные сюжеты о путешествиях, которые, в свою очередь, раскрывают глубокую антропоцентрическую природу исследуемого туристического жанра и свидетельствуют об особом когнитивно-познавательном потенциале путешествующего автора. В исследовании применялись следующие **методы**: метод сплошной выборки, метод семантического анализа, метод прагмакоммуникативного анализа. **Материалом** исследования являются оригинальные трэвел-тексты категории *slow travel/intelligent travel*, отобранные из англоязычного трэвел-издания “National Geographic” и популярных трэвел-блогов англоговорящих авторов. **Научная новизна** исследования видится в выявлении наиболее характерных языковых средств и приемов, актуализирующих в англоязычном трэвел-дискурсе концепцию “осознанного путешествия”. **Практическая значимость** исследования обусловлена возможностью применения его результатов на курсах лекций и семинарских занятиях по лексикологии и стилистике английского языка, при написании курсовых и квалификационных работ схожей тематики.

Исследования феномена медленного (осознанного, экологичного) туризма, наряду с изучением других туристических концепций, проводятся преимущественно в области социологических, экономических и исторических наук, в рамках которых применительно к разным регионам и населяющим их народностям анализируются предпосылки формирования, перспективы развития и неотъемлемые атрибуты новых видов туризма. Все возрастающее многообразие опыта индивидуальных путешествий, безусловно, отражается в многочисленных медийных трэвел-изданиях и трэвел-блогах, в которых много путешествующий автор старается воссоздать аутентичный и уникальный образ именно своего путешествия. **Теоретическую базу** данного исследования составили работы Гедгафовой Н. А. [1], Дацюк В. В. [7], Дускаевой Л. П. [2], Елкиной И. И. [3], Казиной А. И. [4], Полежаева Ю. Г. [5], Редькиной Т. Ю. [6], Тарнаевой Л. П. [7], Филатовой Н. В. [8], в которых авторы описывают концептуальную базу масс-медийного трэвел-дискурса и его аксиологическую составляющую, жанровые характеристики трэвел-текстов, многоликий характер адресата и личность автора трэвел-изданий. Особое внимание исследователи уделяют культурологическому и этническому аспектам отдельных трэвел-изданий, а также их прагматическим установкам – познавательной, популяризирующей и рекламной. Все это указывает на огромный языковой потенциал современных материалов о путешествиях.

Понятие “осознанное путешествие” является частью концепции *slow movement* (медленное движение), основная установка которой заключается в том, чтобы жить в наиболее удобном для каждого человека ритме. По мнению Карла Оноре, канадского журналиста и идеолога движения за неспешную жизнь, медленность в путешествии подразумевает спокойствие, отсутствие спешки и рефлексивность [15]. *Slow travel* — это особый образ мышления, предполагающий глубокое изучение жизни и менталитета местных жителей в противоположность хаотичной погоне по туристическим местам в поиске быстрых впечатлений. Концепция “медленного туризма” отражает сформулированную в середине XX века доктором Альбертом Данном идею о “духовном благополучии на высоком уровне” (“wellbeing on high level”), основанном на здоровом питании, активности, отдыхе и духовном возрождении [12]. Путешествия в стиле *slow travel* предназначены, в первую очередь, для саморазвития и личностного роста и формируют бережное отношение к окружающему миру. Помимо вышеперечисленных целевых установок медленного путешествия в толковых словарях отражены такие содержательные параметры исследуемого понятия, как *экологичность способа путешествия, продолжительный характер пребывания в новом месте и сложность организации путешествия* [19].

Основные результаты лингвистического исследования сводятся к следующему. Языковая актуализация “осознанного путешествия” обусловлена, в первую очередь, личностью автора текста, а точнее степенью его вовлеченности в повествование. Настоящий текст об осознанном путешествии является результатом реального путешествия, которое совершил сам автор. Последний может быть представлен в повествовании (1) эксплицитно или (2) имплицитно, а сам текст отображает его собственное видение события. В первом случае особым языковым маркером текстов этого жанра является местоименный дейксис первого лица в составе предикативных структур, создающих план *я-повествования*. Соответственно, путешествующий автор (или авторы, если речь идет о супружеской паре) является эксплицитно представленным в тексте субъектом и описывает ситуацию восприятия, центром которой является он сам. Хотя в данном исследовании не проводилось сопоставительного анализа, целесообразно полагать, что интерпретация разными авторами одного и того же путешествия или конкретной туристической дестинации может различаться, поэтому читатель каждый раз видит в трэвел-тексте субъективное описание события. В следующем примере Жаннет Киммель описывает путешествие в Коста Рика и акцентирует внимание читателя на тех этапах путешествия, в которые она оказалась непосредственно вовлечена, и это выражается в языке посредством использования соответствующих я-предикативных структур, отсылающих читателя к субъекту путешествия, которым и является сам автор. Автор путешествия стала таким образом

активным участником событий путешествия: “When a friend invited *me* to her wedding... I was ecstatic. But a few things happened between booking *my flight* and take-off... *My guidebooks* remained stacked... *I made a reservation* ... So, when *my flight* took off, *I had no plan*. Little did I know *I was an unwitting participant* in the “slow travel movement... In less than six hours, *I’d be checking off* another country *on my travel bucket list*. But when *I boarded the plane* in Washington, D.C., *I had no idea where I was going* or what to expect when *I got there*.” [22]. Аналогичный случай повествования представлен в описании путешествия в Париж исполнительного директора “Nat Geo Travel” Меган Хелцел, в котором посредством предикативных конструкций с я-субъектом и местоимения *my* внимание читателя акцентируется именно на личных предпочтениях женщины и перемене в ее представлениях о современном уличном искусстве: “*I decided* to sign up for a walking tour hosted through Airbnb. It was the highlight of *my trip*... One of *my favorite stops* was Le Comptoir Général in the 10th arrondissement... The tour also opened *my eyes* to the work of Invader...” [16].

Субъект путешествия может быть представлен в тексте и имплицитно. Чаще всего такое повествование касается описания картин природы, составляющих важную часть повествования в текстах категории “осознанное путешествие”, как, например, это представлено в следующем контексте: “Most of the beaches have black iron sand, which *heats up* in summer to almost untreadable temperatures” [18]. Глагольный предикат *heats up* (нагревается) маркирует присутствие путешествующего автора, поскольку репрезентация этого значения была бы невозможна без участия последнего.

Особую семантику текстов категории *intelligent travel* составляют лексические значения, которыми автор описывает собственное душевное состояние и мысли. Речь идет о глаголах ментальной деятельности, словах категории состояния и перцептивных глаголах, которые, как показало исследование, нередко сочетаются в повествовании о восприятии определенного фрагмента действительности и таким образом указывают на тесную взаимосвязь мыслительной и перцептивной деятельности человека: “Человек воспринимает себя центром окружающей действительности, образ которой в результате перцептивно-рефлексивных процессов он пропускает через призму своего сознания, сопровождая оценкой и эмоциональной окраской, в зависимости от характера полученных знаний об окружающем мире, т.е. от его индивидуальной картины мира” [9, с. 155]. Для более реалистичного воссоздания объекта наблюдения автор нередко использует я-предикаты с перцептивными значениями в форме настоящего времени или в конструкциях с модальным глаголом *can*. Таким способом автор не просто визуализирует в воображении читателя наблюдаемую им картину, он повторяет путешествие и вновь переживает все ощущения, позволяя читателю стать его спутником. Соответственно, можно говорить о существенном прагмакоммуникативном воздействии текстов жанра “осознанное путешествие”, актуализируемом в языке посредством категории настоящего времени. В следующем предложении путешествующий автор, будучи активным субъектом ситуации восприятия, испытывает на себе влияние окружающей природы, иначе говоря, выражаемый перцептивными предикатами (в данном случае значениями слуховой и обонятельной перцепции) процесс восприятия является для автора причиной его умиротворенного психологического состояния: “*I can smell* the sea, *I can hear* the birds singing, and I admit that *it makes me happy*” [17]. Аналогичный случай апеллирования автора к собственному внутреннему миру репрезентирован в описании роскошного пейзажа Коста Рики, вызвавшему волнение и восхищение у автора: “*As I watched* the tiny plane on the in-flight tracker inch closer and closer to my final destination, I saw Costa Rica’s volcanoes and lush coastline come into view, the turquoise waters lapping against the green and brown land. *My heart raced. My hands were sweaty*...” [22]. Таким образом, актуализируемые в тексте об осознанном путешествии эмоциональные значения функционируют в тесной взаимосвязи с окружающим путешествующего субъекта миром, восприятие которого актуализируется в языке перцептивными предикатами (например, значением зрительного или слухового восприятия).

Пространственно-временной фактор языковой репрезентации событий осознанного путешествия в текстах жанра *intelligent travel* несет особую смысловую нагрузку и свидетельствует о степени непосредственного восприятия автором описываемых событий, которая тем выше, чем синхроннее во времени представлены действия самого автора и событий окружающей его действительности. В следующем случае автор присутствует во время подготовки местных жителей к карнавалу в Новом Орлеане и наблюдает весь процесс их переодевания в костюмы коренных индейцев: “*I’m sitting in a cluttered workshop in New Orleans’ Central City neighborhood. Surrounding me are plastic containers filled with beads and rhinestones of about every hue imaginable, elaborate feather headdress, glue guns, oversize spools of thread, and fluffy lime-green tufts that suggest a Muppet has exploded...*” [23]. Из примера следует, что единство в пространстве и времени ситуации репрезентировано я-предикатом *sitting* (я сижу) и описывающим внешние события предикатом *are surrounding* (меня окружают), которые в совокупности образуют синхронную во времени (в данном случае, в настоящем времени) картину карнавала. Аналогичный случай совпадения во времени действий автора и действий объектов наблюдения представлен предикатами прошедшего времени *stood* (стоял), *heard* (услышал) и *growled* (рычали) в следующем описании: “*I stood there for a moment and heard something rustle in the bushes. An iguana, a gecko, a crab, I didn’t know. Howler monkeys growled above me in the palm trees.*” [22].

Следует отметить особое лексико-стилистическое наполнение текстов категории *slow travel/intelligent travel*, обусловленное включением в повествование перцептивных я-предикатов и эпитетов, в совокупности эксплицирующих процесс именно личного реального восприятия деталей путешествия.

Языковая репрезентация “осознанного путешествия” осуществляется через описание процессов переосмысления автором жизненных позиций и принятия важных решений, которое образует особый когнитивно-ценностный план текстов исследуемого жанра и актуализируется с помощью ментальных предикатов и ценностно-ориентированных значений. Это можно наглядно продемонстрировать на примере описания пребывания автора в Провансе, во время которого, находясь наедине с природой, она испытала особое успокоение и как ей кажется, правильно переосмыслила ранее тяготившую ее ситуацию: “*Once I got over that I noticed the beautiful way the moisture in the air created what looked like jewels hanging from all the plants. And I noticed how in dense fog, all noise becomes muffled and things seem more still. I know for myself when I can let go of what I wanted to embrace what I have*” [17]. Используемые автором предикаты *got over* (оправилась), *noticed* (обратила внимание) и *know* (знаю) репрезентируют ментальную картину этого периода ее жизни и свидетельствуют об особой значимости путешествия в осмыслении и оценивании конкретной ситуации. В следующем примере Кеннеди Уорн, первый редактор трэвел-издания “*New Zealand Geographic*” и по совместительству активный путешественник, не только заново открыл для себя родной Окленд и проникся особым уважением к его многовековой истории, но и осознал важность быть именно духовно приобщенным к жизни города и его традициям: “*What seems important to me now is not just to be aware of my place but to be alive to it. So, I stand on a cattle-cropped summit and pay my respects to a 30,000-year-old mountain*” [18]. Как видно из текста, оценка автором жизненных приоритетов актуализируется в эмфатической конструкции “*what ... is*”, смещающей акцент на вызванные путешествием перемены во внутреннем мире субъекта.

Важную стилеобразующую функцию текстов категории *intelligent travel* выполняет и грамматическая категория наклонения. Нередко повествование в текстах об осознанном путешествии строится на императивных конструкциях, с помощью которых автор создает динамичность в общении с читателем и призывает последнего окунуться в атмосферу новых ощущений, которые, по мнению автора, обязательно нужно испытать лично. Таким способом в трэвел-текстах об осознанном путешествии подчеркивается уникальность самого опыта путешествия, полноценное переживание которого невозможно без участия человека. В следующем контексте автор призывает читателя принять участие в ежегодном праздновании

Хэллоуина в США: “*Check out artists at work during the puppet-building workshops leading up to the main event, which takes place on Halloween night... Don't have a costume? Volunteer to animate one of the hundreds of giant puppets that pepper the parade... Take your teens on a tour of the darkest corners of New Orleans... Join the costumed crowd for a memorable stroll down Main Street in the self-proclaimed Halloween Capital of the world*” [11].

Особым способом создания выразительности языка повествования и вместе с тем средством передачи особенностей индивидуального восприятия наблюдаемого объекта в текстах об осознанном путешествии, наряду с эпитетами, является *метафора*, использование которой, безусловно, повышает художественную ценность трэвел-текстов. Чаще всего в текстах об осознанном путешествии метафорическому переосмыслению подвержены элементы национального быта, особенно национальная кухня, “знакомству” с которой в силу смежности понятий *slow travel* и *slow food* в философии медленного путешествия уделяется первостепенное внимание [19]. В следующем случае шеф-повар Дэвид Лебовиц, являясь истинным ценителем гастрономических шедевров, номинирует мускусный гречишный мед, изготавливаемый в провинции Бретани на юге Франции, “королевской драгоценностью” и таким способом подчеркивает высокое качество и аристократический вкус продукта: “*Brittany's musky, buckwheat flower honey is the crown jewel*” [14]. В следующем случае метафорическим сравнением *the marriage of two dominant food cultures* автор описывает специфику мексиканского национального блюда Тако, в котором соединяются гастрономические традиции Кореи и Мексики, что позволяет сравнивать рецепт с брачным союзом двух культур: “*Korean tacos are the marriage of two dominant food cultures in L.A... Find a truck that serves up kimchee and grilled Korean meats in a tortilla and then ponder why no one had thought of it earlier...*” [13]. Еще одним примером метафорического осмысления являются достаточно частотные сравнения итальянских городов Белладжо и Таормины с жемчужинами: “*Is there anything more picture-perfect than an Italian town on a lake? And if so, surely the most beautiful is Bellagio. Known as the pearl of Lake Como...*” [10], “*Taormina, the pearl of Sicily...*” [21]. В следующем примере известный автор блога об осознанных путешествиях Росси Райт метафорически сравнивает Варну с сокровищницей и напоминает читателю об уже закрепившемся за ней статусе жемчужины Черного моря: “*Varna, Bulgaria could be just the hidden gem you have been looking for in order to have a summer holiday with a difference... Known as the Pearl of the Black Sea and the Sea Capital of Bulgaria, this is the third largest Bulgarian city*” [24].

Характерным для текстов об осознанном путешествии приемом *экспрессивного синтаксиса* является парцелляция, с помощью которой автор акцентирует внимание читателя на эмоциональной составляющей путешествия: “*I am widely travelled: at the moment, I have visited more than 40 countries! And this is not the limit! I love it! I will continue to do so*” [17]. Еще в одном примере автор использует парцеллирование, чтобы эффективнее выразить идею о необходимости бережного отношения к планете: “*Cheers to our planet. Sorry we've been so hard on you. We're trying. Iceland shot 5 years ago, such a different place now*” [20].

Исследование позволило прийти к следующим основным выводам. Семантика текстов об осознанном путешествии образуется, в первую очередь, значениями ментальной, эмоциональной и перцептивной деятельности субъекта путешествия, которые выражают основной продукт такого рода путешествий – эмоциональное наполнение и осмысление субъектом путешествия собственной жизни. Стилеобразующие функции в текстах об осознанных путешествиях выполняют я-повествование, грамматические категории времени и наклонения и единые пространственно-временные показатели, которые способствуют большей реалистичности описания и являются важным условием выражения когнитивно-ценностного плана путешествия. Индивидуальность восприятия окружающего мира, ценность именно личного опыта путешествий и национальный колорит актуализируются в повествовании с помощью метафор, эпитетов и приемов экспрессивного синтаксиса. Таким образом, язык текстов об осознанном путешествии характеризуется особым набором лексико-грамматических, синтаксических и стилистических средств, формирующих

реалистичный образ уникального жизненного опыта, который приобретается и переживается в путешествии.

Проведенное исследование касается лишь некоторых аспектов языковой актуализации “осознанного путешествия” в трэвел-медиапространстве, поэтому может быть продолжено. Перспектива дальнейших исследований специфики языкового выражения “осознанного путешествия” видится в лингвистическом анализе концепции “медленного путешествия” на материале других языков и в проведении сопоставительного анализа разных трэвел-текстов об одной туристической дестинации.

Список литературы

1. *Гедгафова Н.А.* Языковая репрезентация категории аттрактивности в научно-популярном журнале путешествий // Верхневолжский филологический вестник. №1. 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-kategorii-attraktivnosti-v-nauchno-populyarnom-zhurnale-puteshestviy> (дата обращения 25.07.2020).
2. *Дускаева Л.П.* Познавательное-просветительское медиаречье: репрезентация коммуникативного сценария трэвел-медиа-текстов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. №26 (197). 2014. С. 85-93.
3. *Елкина И.И.* Автор и адресат трэвел-медиа-текста // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. №2(6). 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-i-adresat-trevel-mediateksta> (дата обращения 24.07.2020).
4. *Казина А.И.* Основные лингвокогнитивные особенности дискурса трэвел-блогов: стимулирование познавательных интенций, самопрезентация, самокоммуникация (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 192-196. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.41
5. *Полежаев Ю.Г.* Когнитивно-ценностный аспект трэвел-журналов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 142-144.
6. *Редькина Т.Ю.* Этические и культурно-речевые нормы в трэвел-медиа-тексте // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-i-kulturno-rechevye-normy-v-trevel-mediatekste> (дата обращения 24.07.2020).
7. *Тарнаева Л.П., Дацюк В.В.* Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Выпуск 3. Санкт-Петербург, 2013. С.229-235.
8. *Филатова Н.В.* Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. [Моск. гос. лингвист. ун-т]. Москва, 2014. 24 с.
9. *Хомякова Е.Г., Тимченко Н.М.* Антропоцентризм языка природы в англоязычном дискурсе // Университетский научный журнал. Санкт-Петербург. Изд-во: Книжный дом. 2016. №18. С. 154-158.
10. 10 breath-taking reasons to visit the Italian Alps [Электронный ресурс] URL: <https://anywhereweroam.com/italian-alps> (дата обращения 28.07.2020).
11. 10 great Halloween celebrations in the U. S. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2015/10/15/10-great-halloween-celebrations-in-the-u-s> (дата обращения 28.07.2020).
12. *Chon K.S.* The Tourism and Leisure Industry: Shaping the Future. New York: Routledge, 2012. 384 p.
13. *Everything to know about Hawaii Volcanoes National Park* [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/national-parks/hawaii-volcanoes-national-park> (дата обращения 28.07.2020).
14. Find the best foodie souvenirs in France [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2016/01/20/david-lebovitzs-favorite-edible-french-souvenirs> (дата обращения 28.07.2020).

15. *Honore C.* In Praise of Slowness: Challenging the Cult of Speed. Toronto: Ontario, Random House, 2004. 321 p.
16. Just back: Paris [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2015/01/22/just-back-paris/> (дата обращения 27.07.2020).
17. Kirstenalana INSTAGRAM [Электронный ресурс] URL: <https://www.instagram.com/kirstenalana> (дата обращения: 10.05.2020).
18. Last, Loneliest, Loveliest: Auckland [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2016/02/16/last-loneliest-loveliest-auckland> (дата обращения 29.07.2020).
19. Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://www.macmillandictionary.com/buzzword/entries/slow-travel.html> (дата обращения 24.07.2020).
20. Sean Ensich INSTAGRAM [Электронный ресурс] URL: https://www.instagram.com/sean_ensich_images (дата обращения: 29.07.2020).
21. Taormina, “The Pearl of Sicily” [Электронный ресурс] URL: <http://sicilianamamour.it/en/itineraries/taormina/taormina-the-pearl-of-sicily> (дата обращения 28.07.2020).
22. Traveling Slow in Costa Rica [Электронный ресурс] URL: <https://api.nationalgeographic.com/distribution/public/amp/travel/intelligent-travel/2014/06/10/traveling-slow-in-costa-rica> (дата обращения 27.07.2020).
23. These are the Mardi Gras Indians of New Orleans [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/intelligent-travel/2016/03/09/the-secret-history-of-new-orleans-mardi-gras-indians-super-sunday-saint-josephs-day> (дата обращения 28.07.2020).
24. Varna, Bulgaria – 17 Things to Do and See [Электронный ресурс] URL: <https://rossiwrites.com/travel/bulgaria/varna-bulgaria-things-todo> (дата обращения 28.07.2020).

10.02.04

О.В. Рамантова канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В. И. Ульянова (Ленина),
гуманитарный факультет,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, ms.ramantova@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ *SOMETHING* И НАРЕЧИЙ *SOMEHOW*, *SOMEWHAT* В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ГОВОРЯЩЕГО О НЕОЖИДАННОМ И СТРЕССОВОМ ЖИЗНЕННОМ ОПЫТЕ

*Статья посвящена вопросу функционирования местоименных и адвербиальных средств неопределенной семантики в современной медиакоммуникации и содержит описание специфики их использования в описании субъектом восприятия кризисных жизненных ситуаций, в которые он оказался вовлечен. Предлагается проанализировать возможности интерпретации наиболее типичных высказываний данного содержания с учетом прагмакоммуникативных факторов. Полученные результаты указывают на то, что прагматические ориентиры *somehow*, *somewhat*, *something* уточняют специфику индивидуального восприятия субъектом себя в значимые для него моменты жизни.*

Ключевые слова: *антропоцентризм, категория неопределенности, неопределенные местоимения, прагматическое значение, экстралингвистическая ситуация.*

Актуальность исследования обусловлена следующими причинами. Во-первых, данная работа выполнена в русле современной антропоориентированной парадигмы, в соответствии с которой исследования сосредоточены на говорящей и мыслящей личности, то есть на активном субъекте процесса познания, и изучение такой типичной именно для человека деятельности, как самооценивание, с точки зрения актуализации его в языке, определяет научный интерес. Во-вторых, на фоне общей идеализации жизни в современном обществе и утрате личностной индивидуальности представляется необходимым обратиться к проблеме представления реального жизненного опыта и способов его переживания отдельным человеком. **Научная новизна** исследования видится в прагмакоммуникативном анализе использования средств неопределенной семантики *somewhat*, *somehow*, *something* в размышлениях говорящего о кризисных жизненных ситуациях, в которые он оказался вовлечен и которые оказали на него существенное воздействие. **Материалом** исследования являются ведущие англоязычные периодические медиаиздания “The Guardian”, “Psychology Today”, “Mirror Online”, “The Sun”, “Time Magazine”. **Методы исследования** включают в себя: метод сплошной выборки, метод семантического анализа и метод прагмакоммуникативного анализа. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности использования его результатов в курсе лингвистического анализа, при написании курсовых и квалификационных работ подобной тематической направленности. Раскрываемый в статье прагматический потенциал английских неопределенных местоимений и наречий вносит определенный вклад в развитие антропоориентированного подхода в лингвистике, расширяет существующие представления о функционировании категории неопределенности в медиакоммуникации и дополняет теорию прагматического значения.

Вопросу функционирования средств неопределенной семантики посвящено поистине огромное количество работ. **Теоретическую базу** данного исследования составляют труды российских и зарубежных авторов Н. Д. Арутюновой, И. В. Вороновской, Е. М. Галкиной-Федорук, Н. В. Зиминой, Н. Р. Кириченко, Лакофф Дж., Т. П. Нехорошковой,

Т. М. Николаевой, Е. В. Осетровой, Е. В. Падучевой, Н. С. Поспелова, О. Н. Селиверстовой, Л. Н. Синельниковой, Л. А. Синько, Д. Н. Сулеймановой, М. Хаспельмата, Е. Е. Ходос, Дж. А. Хокинса, У. Чейфа, Ю. Н. Черниковой, А. Д. Шмелева, в которых на материале разных языков исследователи подробно анализируют степени неопределенности и способы ее языкового выражения, качественный и количественный аспекты категории неопределенности, неоднородный характер ее содержания и неоднозначный механизм ее функционирования в коммуникации. В центре лингвистических исследований находятся неопределенные местоимения как основные носители семантики неопределенности: описываются их типы, анализируются их референтные и дискурсивные свойства, их синтаксическое употребление и связь с ментальными категориями. Подобные исследования, безусловно, указывают на глубокий потенциал местоимений и наречий неопределенной семантики, и особая перспектива их дальнейшего изучения усматривается в обращении к специальному контексту их употребления, которым является переживаемый автором новый и стрессовый жизненный опыт и описание которого образует эмотивный дискурс многих современных медиаизданий.

В высказываниях субъекта о собственном жизненном опыте неопределенные местоимения и наречия коррелируют с незнанием или сомнением говорящего, вызванными событиями, в которые субъект может быть вовлечен настолько, чтобы изменилось его психологическое состояние и восприятие собственного Я. Описывая собственный положительный или негативный опыт, говорящий раскрывает читателю личную позицию и свой путь преодоления жизненного сценария, к которому не всегда возможно подготовиться, но который может восприниматься индивидом как некая ценность, приобретение которой ведет к “*позитивным переменам*” в жизни [1, с. 27]. В отношении осмысления субъектом собственных поступков и психологического состояния актуально замечание Л. Н. Синельниковой о том, что “*неопределенные местоимения влияют на уровень когнитивной активности говорящих... когнитивные свойства неопределенности связаны с возникновением особого вида мотивации – стремления понять сказанное, разобраться в положении вещей*” [2]. Размышляя о конкретной жизненной ситуации и делаясь опытом ее переживания, субъект анализирует свой внутренний мир во взаимосвязи с теми событиями, словами и людьми, которые изменили привычный для него уклад жизни и благодаря которым он мыслит себя иначе, и в этом смысле язык дает возможность проследить путь говорящего к пониманию собственного Я, постижению собственной индивидуальности.

Анализируя особенности использования и функционирования неопределенных местоимений в медиатекстах, особое внимание стоит обратить на ту традиционно значимую прагматическую нагрузку, которую принимает заголовочный комплекс, и которая сводится к “*достижению максимальной эффективности воздействия на читателя*” [3]. Безусловно, в этом и состоит коммуникативная функция заголовка, которая тем эффективнее, чем экспрессивнее и ярче он выглядит в информационном медиaprостранстве. Значение самооценки в заголовочном комплексе трудно переоценить, поскольку “*самооценка в заголовках обладает способностью задавать и регулировать прагматическую реакцию читателя, потенциальный воздействующий эффект эксплицитной или имплицитной, прямой или косвенной самооценки, реализуемый в соответствии с интенцией автора статьи в системе текстового целого*” [3]. Актуализируемые в заголовочных комплексах интенции авторов включают в себя выражение сомнения или самоиронии, желание поделиться собственным опытом, приглашение к обсуждению актуальной для автора проблемы – все это создает антропоцентрическую ориентированность заголовков. Последние, в свою очередь, акцентируют внимание читателя на общей проблеме осмысления и неоднозначности восприятия стрессовых жизненных ситуаций, которые в последнее время все чаще выносятся на публичное обсуждение и представляют интерес для массовой аудитории. Трудно не согласиться с тем, что актуализация самооценивания в заголовочном комплексе имеет свою содержательную специфику в том смысле, что “*в заголовках-самооценках темой выступает личность, а рематическая информация – это экстралингвистическая ситуация, в которую*

попадает индивид в данном информационном сообщении” [3]. Таким образом, в центре внимания читателя оказывается жизненный период конкретного человека, опыт и решения которого, тем не менее, могут быть полезны другим людям. Не последнее значение в осуществлении прагматической задачи статьи имеет искренность нарратора, которая эксплицитно выражается через его самооценивание. Последнее может сопровождаться использованием средств неопределенной семантики для выражения говорящим специфики понимания себя в новых жизненных обстоятельствах, что не может не располагать читателя как потенциального собеседника, от которого автор эмоционального текста тоже ожидает получить психологический отклик [11].

Исследование медиатекстов позволило выявить наиболее типичные случаи использования средств неопределенной семантики в описании говорящим восприятия неожиданной и стрессовой для него ситуации. Речь идет о высказываниях с наречиями *somehow*, *somewhat* и местоимением *something*, которые в зависимости от прагматических установок говорящего и самой жизненной ситуации, оказывающей на него существенное давление, могут в разной степени маркировать его психологическое состояние, а именно: усиливать передаваемые эмоции, нивелировать категоричность сообщаемой нарратором информации о себе и выражать изменение в восприятии говорящего себя самого. Таким образом, *местоименные и адвербиальные средства неопределенной семантики рассматриваются как способ высказаться о неблагоприятных или неожиданных жизненных ситуациях*, которые все чаще становятся предметом обсуждения в медиапространстве.

Первую группу высказываний составляют случаи, когда в условиях переживания негативного жизненного опыта используемые говорящим местоименные и адвербиальные средства неопределенной семантики становятся для него **способом дистанцирования от действительности и выражения самоиронии**. Стивен Моррисси, популярный британский музыкант, поэт и основатель одной из самых влиятельных групп “The Smiths”, став тяжелым пациентом и осознавая уязвимость собственного положения, внутренне дистанцируется от диагноза, ставшего важной частью его жизни, и в какой-то мере оправдывается перед массовой аудиторией: “They have scraped cancerous tissues four times already, but whatever. If I die, then I die. And if I don’t, then I don’t. Right now, I feel good. I am aware that in some of my recent photos *I look somewhat unhealthy*, but that’s what illness can do...” [9]. / “Уже в четвертый раз биопсия показала злокачественные клетки, но мне все равно. Если я умру, пусть так. Если нет, значит так суждено. Сейчас я чувствую себя хорошо. Я понимаю, что на последних фотографиях у меня *несколько болезненный вид*, но это то, что делает с человеком болезнь”. Целесообразно предположить, что в другом “жизненном” контексте при не столь печальных для говорящего обстоятельствах значением *somewhat unhealthy* последний мог бы выразить не более, чем обеспокоенность собственным внешним видом, однако статус больного онкологией с явной тенденцией быстрого ухудшения его физического и психологического состояния все-таки противоречит реплике автора о его удовлетворительном самочувствии. Немаловажное значение в условиях негативных жизненных обстоятельств имеет *статус говорящего*, обязывающий последнего в силу его очевидных внешних физиологических изменений сделать публичное заявление о своей болезни, но не казаться при этом ни себе, ни многомиллионной аудитории поклонников больным и умирающим человеком, на что и указывает легкая “недоопределенность”, недосказанность в его сообщении.

Аналогичный случай выражения самоиронии представлен в откровении пациента по поводу мучивших его душевных расстройств, ставших главной причиной его неустроенности в жизни: “*I have led a somewhat tragic life beset by mental illnesses, such as bipolar I and three addictions, and I have survived to talk about it. I have a great sense of humour*” [5]. / “Моя жизнь сложилась *несколько трагично* из-за психического нездоровья. У меня диагностировано биполярное расстройство личности, и есть несколько плохих зависимостей, но я выжил, чтобы рассказать об этом, ведь у меня есть чувство юмора”.

В следующем заголовочном комплексе в издании “The Guardian” автор колонки Ева Уайзмэн, столкнувшись с серией микро-инсультов, указывающих на серьезные патологии в ее организме, избегает прямолинейности и, как думается, не спешит идентифицировать себя с больным человеком, и поэтому для заголовка выбирает слабую определенность в номинации поставленного диагноза, но уточняет ее значениями *darker* и *more threatening* и таким способом подчеркивает опасность ситуации для себя: “An MRI scan reveals what I thought was a migraine to be *something darker*” [6]. / “МРТ-исследование показало, что то, что я считала мигренью, оказалось *чем-то более зловещим*”. “My symptoms of lightheadedness, headaches, dizziness and confusion, which I have always considered part of my migraines, are an indication of *something more threatening*” [6]. / “Головокружение, головные боли, тошнота и спутанность сознания, которые, как я полагала, были связаны с моей мигренью, свидетельствуют о наличии *более угрожающей проблемы*”. Далее, начиная свой достаточно депрессивный монолог, она метафорически сравнивает свою настоящую жизнь с фильмом ужасов (*scary horror film*), а собственный мозг она называет чудовищем (*hidden monster*): “The way to make a horror film scary is to keep the monster hidden, and this how I’ve started to feel about my brain...” [6]. / “Чтобы сделать фильм ужасов страшным, надо спрятать монстра – именно так я теперь воспринимаю свой мозг”. Являясь, в сущности, уже давно больным человеком, героиня этой истории пока не готова принять свое будущее и разделяет себя и ту, кто мог заболеть, свои недомогания и реальный диагноз, что актуализируется в тексте неопределенными местоимениями *something* и *someone*: “My cliffhangers are the weekly hospital tests to discover *why something like this is happening to someone like me ...*” [7]. / “Мои приключения – это еженедельные медицинские обследования, чтобы понять, как *что-то подобное* происходит с такой, как я”.

Вторую и наиболее многочисленную для медиатекстов группу высказываний составляют примеры с предикативными структурами типа *I somehow managed through this* (мне удалось это пережить/мне удалось справиться с этим), в которых наречие служит для говорящего **способом высказаться о способности к преодолению трудностей**. Речь идет о высказываниях людей, переживших потерю близких или поборовших тяжелую болезнь. Включение в высказывание прагматического маркера *somehow* модифицирует содержание всей реплики и указывает на то, что говорящий не просто преодолел обстоятельства, а преодолел их несмотря на... и вопреки. Таким образом, говорящий выражает поддержку тем, кто в этот момент возможно разделяет подобный жизненный опыт и нуждается в психологической помощи. В подобных контекстах, переживая тяжелую жизненную ситуацию, говорящий маркирует повествование наречием *somehow*, указывающим на то, что речь идет о действии, которое не дается легко. В следующем контексте Люсинда Бэринг, сын которой скоропостижно скончался после тяжелой болезни, мужественно делится с читателями мыслями и эмоциями. При этом ее рассказ, несмотря на глубокую трагичность темы, выдержан в положительном ключе, демонстрируя тем самым ее личный выбор принятия потери. Женщина отнеслась к тяжелейшей ситуации в жизни ее семьи как к должному испытанию и достойно его прошла, сохранив осознанные и даже благодарные воспоминания об этом периоде: “*Somehow we limped through that first weekend, with friends and family rallying round our five-year-old daughter Violet at home as we focused all our energy on Alfie*” [7]. / “Какими-то силами мы все-таки пережили ту самую первую неделю, сосредоточив все внимание на Альфи, в то время как остальные члены семьи и наши друзья сплотились вокруг пятилетней Виолет”.

В третью группу примеров вошли высказывания, в которых субъект описывает собственное **измененное психологическое состояние**, причиной которого стали неожиданные жизненные обстоятельства. Местоименные и адвербиальные средства неопределенной семантики используются говорящим для описания непривычного для него восприятия себя. Репрезентация положительного психологического состояния с помощью неопределенного местоимения *something* представлена в следующем заголовке статьи, в которой автор, с детства переживавший опыт борьбы с поведенческим расстройством,

пытается описать, насколько сильно для него улучшилась жизнь с момента диагностирования: “A new life: being diagnosed with ADHD in my 40s has given me *something quite magical*” [4]. / “Новая жизнь: диагностирование синдрома дефицита внимания и гиперактивности после 40 лет привнесло в мою жизнь *магические изменения*”. Автор говорит о своих ощущениях так, как если бы он испытал на себе настоящее волшебство, которое невозможно выразить. Для сторонних наблюдателей, по словам автора, в его жизни не произошло кардинальных перемен, но для него самого, несмотря на невозможность полного излечения подобных патологий, внешне не существенные, но внутренне ощутимые перемены многое значат. Таким образом, неопределенное местоимение *something* служит способом выражения нового восприятия говорящим самого себя.

Средством указания говорящим на ранее не известные ему собственные духовные потребности, которые проявились под воздействием именно стрессовой ситуации и которые он пытается обозначить, является выражение *something in me*. В следующем высказывании британский писатель Алан Холлингхерст размышляет о достаточно стрессовом для всех периоде самоизоляции во время пандемии коронавируса и признает, что непривычный режим все же имеет и положительные стороны: “*Something in me had been hungry for the vision of unpeopled streets, a suspension so rare that it was not to be missed*” [10]. / “*Что-то во мне давно жаждало созерцать безлюдные улицы, и я просто не мог не воспользоваться таким моментом*”.

Значением *something in me* актриса Кристен Стюарт, звезда сериала “Сумерки”, в интервью для журнала “Marie Claire” номинирует новую для нее самую черту характера, которую она открыла для себя после неожиданно обрушившейся на нее стрессовой популярности, таким образом обозначая неожиданные обстоятельства как фактор перемен в восприятии себя самой: “I lit my universe on fire and I watched it burn. Speaking very candidly, it was a really traumatic period in my early 20s that kick-started *something in me that was a bit more feral...*” [8]. / “Я зажгла свою вселенную и смотрела, как она горит. Говоря совсем откровенно, этот период был для меня, действительно, травматичным, и он открыл во мне *что-то дикое*”.

В последнюю группу примеров вошли высказывания, в которых наречие неопределенной семантики выражает **стремление говорящего понять причины собственного измененного поведения**. В следующей реплике актриса Дженнифер Лоуренс, по ее словам, испытала невероятный стресс накануне вручения престижной кинопремии Оскар: “I had a complete meltdown. *Somehow the night before the Oscars I managed to get into an argument* with my best friend, my mom and my boyfriend. I think I cried more in the 12 hours before the Oscars than I have in 10 years – I was really getting into the drama of the evening” [12]. / “Я была полностью разрушена. *Каким-то образом накануне церемонии я умудрилась поссориться* с лучшей подругой, мамой и бойфрендом. За 12 часов до начала церемонии я проплакала больше, чем за последние 10 лет – я устроила настоящую драму”.

Проведенное исследование демонстрирует лишь наиболее типичные случаи прагматической функции местоименных и адвербиальных средств неопределенной семантики, актуализирующих процесс восприятия субъектом себя в кризисные моменты. Тем не менее, считается возможным сделать следующие выводы.

Изучение особенностей функционирования английских неопределенных местоимений и наречий в высказываниях говорящего позволяет говорить об их тесной взаимосвязи с такими параметрами ситуации восприятия, как переживаемый жизненный опыт и отношение к нему субъекта ситуации восприятия. Прагматический потенциал используемых в заголовке неопределенных местоимений и наречий в контексте я-повествования о жизненном опыте заключается в сосредоточении внимания читателя на проблеме осмысления и специфике преодоления жизненного опыта каждым отдельным человеком. Особая функция наречий *somehow*, *somewhat* и местоимения *something (something in me)* видится в возможности выражения говорящим особенностей восприятия себя в той или иной стрессовой жизненной ситуации, которая может переживаться разными субъектами по-разному. При

транслировании автором негативного жизненного опыта могут актуализироваться смыслы ухода от категоричности и дистанцирования субъекта от новой для него реальности, или, наоборот, подчеркивается значимость преодоления субъектом трудной жизненной ситуации и желание субъекта понять причину перемен в собственном поведении. С помощью местоимений и наречий неопределенной семантики автор объективирует новые для него собственные личностные качества, проявлению которых способствовала знаковая жизненная ситуация. Таким образом, средства неопределенной семантики репрезентируют в языке разные аспекты восприятия субъектом себя в стрессовых для него жизненных обстоятельствах.

Список литературы

1. Логунова Л.Ю., Пагина И.С. Ценность неудачи в жизни личности // Философская школа. №8. 2019. с. 22-29. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10215
2. Синельникова Л.Н. Дискурс неопределенности в местоименном представлении // Современный дискурс-анализ. 2011. Вып. 3. [Электронный ресурс] URL: Л. Н. Синельникова. <http://discourseanalysis.org/ada3.pdf> (дата обращения: 15.06.2020).
3. Смирнова Н.В., Советов И.М., Щекина М.Г. Самооценка в позиции заголовка печатных СМИ: семантика и прагматика // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: Филологические науки. 2019. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samootsenka-v-pozitsii-zagolovka-pechatnyh-smi-semantika-i-pragmatika> (дата обращения: 16.05.2020).
4. A new life: being diagnosed with ADHD in my 40s has given me something quite magical [Электронный ресурс] URL: <https://amp.theguardian.com/society/commentisfree/2020/jan/15/a-new-life-being-diagnosed-with-adhd-in-my-40s-has-given-me-something-quite-magical> (дата обращения: 19.06.2020).
5. Am I talented enough? [Электронный ресурс] URL: <https://cdn.psychologytoday.com/us> (дата обращения 17.07.2020).
6. An MRI scan reveals what I thought was a migraine to be something darker [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2019/nov/03/an-mri-scan-reveals-what-i-thought-was-a-migraine-to-be-something-darker> (дата обращения: 20.06.2020).
7. I lost my son to a brain tumour – all we can do is create a legacy for kids like him [Электронный ресурс] URL: <https://www.thesun.co.uk/fabulous/12135415/my-son-fought-a-brain-tumour-lucinda-baring> (дата обращения 16.07.2020).
8. Kristen Stewart on Her “Feral” Post-Twilight Life [Электронный ресурс] URL: <https://time.com/3955982/kristen-stewart-twilight-feral-universe-burn> (дата обращения 19.07.2020).
9. Morrissey deluged with messages of support following cancer diagnosis revelation [Электронный ресурс] URL: <https://www.mirror.co.uk/3am/celebrity-news/morrissey-deluged-messages-support-following-4398007> (дата обращения: 20.05.2020).
10. Overcoming fears, discovering nature... what I have learned from lockdown [Электронный ресурс] URL: <https://amp.theguardian.com/books/2020/jun/13/overcoming-fears-discovering-nature-what-i-have-learned-from-lockdown> (дата обращения 16.07.2020).
11. Romano M. Evaluation in emotion narratives // Evaluation in Context (edited by Geoff Thompson and Laura Alba-Juez). John Benjamins Publishing Company, 2014. pp. 367-386.
12. 10 Things we learned about the Oscars from Jennifer Lawrence’s BFF [Электронный ресурс] URL: <https://time.com/16204/jennifer-lawrence-oscars-laura-simpson> (дата обращения 19.07.2020).

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

З.М. Габунни д-р филол. наук, Э.Ю. Улимбашева канд. филол. наукКабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик**К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ И СУДЬБЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ**

Данная статья рассматривает проблемы, связанные с выживанием малочисленных языков в потоке происходящих объединений республик и миграционных процессов. В сущности, эти процессы активно стирают границы языкового и культурного различия народов, стран, формируя новые социальные структуры, в котором одни общественные приоритеты рушатся, а другие претендуют на глобальное доминирование. Одновременно следует отметить, что общество к этому не готово. Об этом свидетельствуют статистические данные ученых. Только незначительная часть населения Земли считают себя как живущие поверх национальных барьеров, т.е. основная часть общества полагает, что необходимо учитывать ее этнокультурную и религиозную идентичность как составную часть человеческого бытия. В таких случаях языковая политика становится фактором, формирующим и изменяющим языковую ситуацию как в отдельных регионах и странах, так и постепенно в мировом пространстве.

Ключевые слова: *переструктурирование, самоорганизация, миноритарные языки, лингвоэкология, пассионарность, этнокультурная идентичность.*

Ситуация с малочисленными языками становится все более и более тревожной. В связи с этим необходимо разграничение и выделение основных подходов, связанных с лингвоэкологией малочисленных языков как общего, так и чисто языкового характера.

На данный момент большинство стран можно разделить на три основные группы по их подходу к проблеме изучения и сохранения малочисленных языков:

- а) страны, которые не считают данную проблему важной и не рассматривают ее;
- б) страны, которые подчеркивают важность вопроса, но без государственной экономической поддержки;
- в) страны, которые стремятся остановить процесс языковой ассимиляции, но, к сожалению, они перешли так называемую точку невозврата, и остановить исчезновение языков невозможно, так как носителей языков практически не осталось.

Таким образом, все существующие подходы ведут в разной степени к исчезновению малочисленных языков. Существенным, нам представляется, является то, что иноязычная среда в зависимости от количества носителей в новых условиях начинает активно воздействовать на язык местного малочисленного этноса.

По этому поводу академик Вяч. Вс. Иванов в своей книге Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему», рассматривая языковую ситуацию мира и прогнозируя ближайшее будущее, указывал, что «языковые последствия глобализации и компьютеризации неожиданны: несомненен провал идеи *melting pot* – котла, где будто бы перевариваются все языки, заменяемые якобы американским английским» [1: 90]. Нам представляется, что в эффективном использовании национально-культурного генофонда и состоит новая современная модель человечества, ориентированная на сохранение системы ценностей.

Возвращаясь к современной языковой ситуации, необходимо отметить, что в гуманитарной науке до сих пор нет совместных общих социально-политических и лингвистических решений. По данным М. Краусса, в XXI веке исчезнет половина существующих языков, т.е. из шести тысяч языков исчезнут три тысячи, что представляет собой глобальную гуманитарную катастрофу, до сих пор не известную истории человечества. Помимо ассимилирующих языков, есть языки, которым исчезновение пока только угрожает. В эту группу автор включает языки, на которых говорят от 100 до 300 тысяч человек, они могут выжить до следующего столетия. Пока их дети учат в школах родной язык, они в какой-то степени сохраняются, но исследования показывают, что число изучающих родной язык уменьшается и в ближайшие 100 лет эти языки уже перестанут изучать, тогда процесс исчезновения языков ускорится.

Известный кавказовед А.Е. Кибрик, изучая проблему исчезновения языков, классифицирует их (на примере языков малых северных народов) на пять групп. В первую группу входят языки, на которых число говорящих доходит до 10-15 человек (алеутский, керекский, югорский); фактически эти языки уже нельзя спасти. Во вторую группу входят «смертельно больные языки», которые нуждаются в срочных мерах по их ревитализации (ненецкий, ительменский, удэгейский и др. языки). В третью группу входят «серьезно больные языки» (эскимосский, юкагирский, нивхский). Четвертую группу составили «хронически больные языки», которые сохранили определенную сопротивляемость и стремление их носителей к культивированию своего родного языка (орочский, ульчский, селькупский, кетский языки). К пятой группе отнесены бесписьменные языки, обслуживающие малочисленные этносы на уровне разговорно-бытового общения семьи и села. Это, например, языки Дагестана: арчинский, гинухский, гунзибский, годоберинский и др. [2: 69-79].

Изменения также могут происходить и как результат саморазвития процессов в среде, т.е., не меняя среды обитания, меняется природа бытия, жизни. Такое тоже возможно. Например, на основе древнерусского языка возникли русский, белорусский, украинский языки. Значит, современные социальные процессы, демографическая среда, переселение, глобализация мира и другие аспекты могут качественно изменить общую картину происходящих процессов.

В настоящее время настала необходимость пресекать любые попытки вытеснения малочисленных этносов. Существующие факты говорят о том, что многие современные могучие языки, как английский, немецкий, французский и др., зародились как диалекты малочисленных этнических групп, племен или общин, не имевших на момент возникновения ни малейшего культурного и политического влияния на империю. Однако сегодня это мощные языки и должны бы, обязаны защитить и сохранить исчезающие языки миноритарных этносов. Но, к сожалению, этого не наблюдается. Недостаточно исследований до сих пор в лингвистической науке о взаимосвязи между состоянием демографической ситуации и ее влиянием на проблемы малочисленных языков. Между тем количественные характеристики демографических процессов, такие как структура населения, динамика, представляют собой показатели, в которых проявляется влияние демографических факторов на процесс исчезновения многих языков и их носителей. Опыт изучения межнациональных конфликтов последнего десятилетия позволяет многим исследователям напрямую увязывать причины многих конфликтов со сложившейся в регионах неблагоприятной демографической ситуацией.

В сущности, происходящие процессы активно стирают границы языкового и культурного различия народов, стран, формируя новые социальные структуры, в которых одни общественные приоритеты разнятся, а другие претендуют на глобальное доминирование. Но общество к этому не готово. Эффективное использование всего национально-культурного генофонда составляет новая современная модель человечества, ориентированная на сохранение системы ценностей. Многие проблемы малочисленных языков были бы успешно решены, если бы для каждого человека законодательно признавался приоритет родных языков. Это позволило бы устранить правовое неравенство между носителями

государственных языков и официального государственного статуса. В этом – источник выживания малочисленных языков. В связи с этим академик А.О. Чубарьян отмечает: «Никто не хочет жертвовать своей культурной идентичностью, своей национальной культурой даже ради очевидных преимуществ общего экономического, образовательного, научного пространства. Одна из центральных проблем, которая стоит перед наукой – поиск синтеза, налаживание взаимоотношений между национальными культурами и культурами государства, региона, глобальной культурой» [3:78].

Из сказанного можно сделать вывод, что современное языковое положение малочисленных языков характеризуется сложной иерархией типологических и социологических признаков. Все языки, как многочисленные, так и малочисленные, должны быть субъектом равного языкового права в своем собственном пространстве и времени.

Список литературы

1. *Иванов Вяс.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопрос к будущему. – М., 2004.
2. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 1992.
3. *Краусс И.К.* общим проблемам социолингвистики // ВЯ 1974 N 4.
4. *Чубарьян А.О.* Диалог культур в условиях глобализации // Материалы XI Международных Лихачевских чтений. – СПб, 2011.

10.02.19

С.Б. Какваева канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, sabri82@mail.ru

ПРЕДИКАТЫ СОСТОЯНИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье даётся анализ предикатов состояния в лакском языке. Выявлено, что аналитическая форма «перфектное деепричастие на –ну/-ун + спрягаемая связка» и так называемые «страдательные обороты» являются одним из основных способов выражения состояния субъекта в лакском языке в конструкциях разных моделей предложения.

Ключевые слова: *лакский язык, предикативная функция, перфектное деепричастие, номинатив, генитив, дативная конструкция, инфинитив.*

Основным способом обозначения производного состояния в лакском языке являются наречия с суффиксом –ну, основы которых являются общими для прилагательных, составных глаголов и абстрактных имён качества: *пакъат хьун* ‘успокоиться’ – *пакъатсса* ‘спокойный’, *пакъатну* ‘спокойно’, *пакъатшиву* ‘спокойствие’. В роли предиката состояния наречие выступает в сочетании со спрягаемой связкой *бур /ур/ дур*. Основной функцией наречий на –ну является предикативная функция, роль обстоятельств образа действия для них является вторичной. Предикативные наречия образуют и фазовые формы длительности с суффиксом длительности –на (← –нува). Ср.: *Хьхьури пакъатну бур* ‘Море спокойно’ – *Хьхьури пакъатна бур* ‘Море всё ещё спокойно’. Образованные от таких наречий прилагательные совмещают значения причастия: *пакъатнасса хьхьури* ‘море, продолжающее оставаться спокойным’.

Динамическое состояние выражают глаголы, соотносительные с предикативными наречиями (краткие прилагательные в составных глаголах тоже могут быть названы «краткими», не оформленными суффиксом наречиями): *пакъат хьанан* ‘успокаиваться’ (дуративный вид) – *пакъат хьун* ‘успокоиться’ (перфективный вид). Переход от первоначального состояния через процесс к новому состоянию можно представить следующей цепочкой конструкций:

(1) *Хьхьури гьалакху бур* ‘Море взволновано’ (исходное состояние) → (2) *Хьхьури пакъат хьанай бур* ‘Море успокаивается’ (процесс) → (3) *Хьхьури пакъат хьунни* ‘Море успокоилось’ (завершение процесса) → (4) *Хьхьури пакъат хьуну бур* ‘Море успокоилось’ (состояние как результат процесса) → (5) *Хьхьури пакъатну бур* ‘Море спокойно’.

Примечательно, что у перфектного деепричастия и предикативного наречия один и то же суффикс –ну, который может быть охарактеризован как показатель состояния. При этом деепричастие показывает состояние, возникшее в результате процесса (*пакъат хьуну бур*), а наречие обозначает безотносительное состояние (*пакъатну бур*).

Таким образом, мы можем утверждать, что аналитическая форма «перфектное деепричастие на –ну/-ун + спрягаемая связка» является одним из основных способов выражения состояния субъекта в лакском языке в конструкциях разных моделей предложения. Выше это положение было продемонстрировано на конструкциях эргативной модели предложения. Наиболее наглядно это видно на непереходных составных глаголах, обозначающих переход в состояние. Такие глаголы имеют в своём составе «краткие прилагательные-наречия» сочетающиеся с вспомогательными непереходными глаголами *хьун* ‘стать’, *лаган* ‘уйти’, *буккан* ‘выйти’: *арх хьун* ‘удалиться’, *кляла лаган* ‘побледнеть’, *лахь буккан* ‘удлиниться, растянуться’ и под.

Простых (непроизводных) глаголов, обозначающих переход в состояние или качество, в лакском языке по сравнению с составными не так много, около 30 лексем. Часто образованные от них причастия омонимичны прилагательным, а деепричастия – наречиям: *бякьин* ‘остыть, охладиться’ – *бякьусса* ‘холодный /остывший’, *бякьуну* ‘холодно/ остыв’; *кьюкьин* ‘подешеветь’ – *кьюкьусса* ‘дешёвый /подешевевший’, *кьюкьуну* ‘дёшево /подешевев’ и т.д.

Можно утверждать, что так называемые «страдательные обороты» являются одним из способов выражения состояния. Переход в состояние и пребывание в состоянии связаны и с категорией вида: аналитические глагольные формы с деепричастием дуративного вида предназначены для обозначения процесса, синтетические формы группы перфектных времён обозначают завершение процесса и переход в новое состояние, *аналитические формы с перфектными деепричастиями* обозначают пребывание в производном состоянии. Это можно продемонстрировать на примере непроизводного («первичного») глагола *кьякьан* ‘высохнуть’ – *кьякьлан* ‘сохнуть’: (а) *Янна* (4 кл.) *кьякьлай дур* ‘Бельё сохнет’ – (в) *Янна кьяркьунни* ‘Бельё высохло’ – (в) *Янна кьяркьун дур* ‘Бельё высохло (= уже сухое)’ – формы сказуемого связаны с единственным актантом глагола, указывая на его класс (4 кл.) и лицо (3 л.). Форма сказуемого в варианте (в) имеет и добавочное значение обнаружения, если даже процесс не наблюдался говорящим лицом.

Трансформации, сходные с залоговыми, наблюдаются и в других типах конструкций. Приведём некоторые из таких конструкций.

Конструкции, обозначающие болезненные состояния

При обозначении болезненных (дискомфортных) состояний в лакском языке используется конструкция модели [субъект состояния: генитив + орган субъекта: номинатив]:

- (1) *Ттул бакI*(3 кл.) *цIий бур* ‘У меня болит голова’
- (2) *Танал кару* (4 кл.) *ччуй дур* ‘У него чешутся руки’
- (3) *Авариялуву Мусал ччан* (3 кл.) *гъавгьун бур* ‘В аварии Муса сломал ногу’
- (4) *Ттул дакI*(4кл.) *оьзлай дур* ‘Меня тошнит’ и под.

Следует отметить, что имя в генитиве, «хозяин органа», не является определением, поскольку, во-первых) после генитива соблюдается пауза, во-вторых, эти формы проницаемы (*Ттул оьккину дакI оьзлай дур* ‘Меня ужасно тошнит’), в-третьих, и это главное, они допускают биноминативную трансформацию, повышающую роль субъекта как несомненного носителя состояния: субъект принимает форму номинатива, с которым согласуется спрягаемый компонент глагола:

- (11) *На* (1 л., 1 кл.) *бакI*(3 кл.) *цIий ура* (1 л., 1 кл.) (букв.: Я голова боля есмь)
- (21) *Та* (1 кл., 3 л.) *кару* (4 кл.) *ччуй ур* (1 кл., 3 л.)
- (31) *Муса* (1 кл., 3 л.) *ччан*(3 кл.) *гъавгьун* (3 кл.) *ур* (1 кл., 3 л.)
- (41) *На* (1 кл., 1 л.) *дакI* (4 кл.) *оьзлай ура* (1 кл., 1 л.)

В биноминативной конструкции в фокусе оказывается субъект состояния, получая несомненную роль подлежащего. А имя в номинативе как бы входит в группу сказуемого. Эти конструкции больше соответствуют переводу, данному в первом ряду. Буквальный перевод примеров первого ряда допускает интерпретацию генитива как определения к имени в номинативе. Более употребительна конструкция с генитивом, но её значение эквивалентно представленному переводу.

Конструкции с модальными глаголами *ччан*, и *ххан*.

Модальные глаголы *ччан* ‘хотеть’ и *ххан* ‘казаться’ образуют дативные конструкции с субъектом в дативе. При глаголе *ччан* употребляется зависимый инфинитив при кореферентном субъекте – составное глагольное сказуемое (1). При отсутствии кореферентности предикатов, образуется сложное предложение с зависимым сентенциальным актантом (2):

(1) *Ттун* (датель) *Гъумукун гъан ччай бур* ‘Мне хочется поехать в Кумух’ – составное сказуемое с зависимым инфинитивом (при зависимом инфинитиве связка принимает форму 3 кл.)

(2) [*Ттун* (датель) [*ина* (номинатив) *шаппа бавцIуну* (деепр.)] *ччай бур*]] ‘Мне хочется, чтобы ты осталась дома’ – зависимый актант, выраженный деепричастной конструкцией с собственным субъектом).

При глаголе *ххан* ‘казаться’ возможен только сентенциальный актант с объектным значением, выраженный обычно причастной конструкцией:

(3) [*Ттун* (датель) [*та* (номинатив) *Гъумукун лавгсса* (прич.)] *ххай бур*]] (3 кл., 3 л.) ‘Мне кажется, что он поехал в Кумух’.

Эти конструкции допускают номинативную трансформацию:

(11) *На* (1 л., 1 кл.) *Гъумукун гъан ччай ура* (1 л., 1 кл.) ‘Я хочу поехать в Кумух’. Интересно, что в русском языке более употребителен двусоставный вариант конструкции, выражающий активное желание (*хочу*), а в лакском – дательная конструкция, выражающая пассивное желание (*хочется*).

Номинативная трансформация возможна и с конструкцией с глаголом *ххан* ‘казаться’:

(31) *На* (номинатив, 1 л., 1 кл.) [*та Гъумукун лавгсса*] *ххай ура* (1 кл., 1 л.) ‘Я полагаю, что он поехал в Кумух’ – Возможно, и в этом варианте представление говорящего является более определённым.

Модальные глаголы *бюхъан* ‘мочь’ и *хъун* ‘суметь’ в сочетании с инфинитивом основного глагола образуют особую конструкцию, в которой субъект выражается аблативом (показатель –*ца*):

(4) *Ттуца* (аблатив) *цIана вин кумаг бан бюхълай бур* (3 кл.) ‘Я сейчас могу тебе помочь’. Возможна номинативная трансформация, при которой возможность представляется реально осуществимой:

(41) *На* (номинатив1 кл., 1 л.) *цIана вин кумаг бан бюхълай ура* (1 кл., 1 л.) ‘Я сейчас способен тебе помочь’.

Этот же падеж употребляется для обозначения субъекта непреднамеренного действия. При этом могут быть сопоставлены три конструкции: номинативная (обозначение события) – эргативная (активное действие) – ненамеренное действие-событие:

(5) *Урша гъавгъунни* ‘Кувшин разбился’ –(51) *На* (1л., 1 кл.) *урша гъавгъав* (1 л.) ‘Я разбила кувшин’ – *Ттуца урша гъавгъунни* ‘У меня (букв.: от меня) разбился кувшин’.

Случай (5), на наш взгляд, тоже находится в поле залоговости.

Список литературы

1. *Абдуллаев И.Х.* Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. - Махачкала, 1974.
2. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. - М., 1988.
3. *Жирков Л.И.* Лакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955.
4. Грамматика современного русского литературного языка (Ред. Н. Ю. Шведова). - М.: «Наука», 1983.
5. *Арутюнова Н.Д.* Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: «Советская энциклопедия» 1990.

10.02.19

С.Б. Какваева канд. филол. наук

Дагестанский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики,
Махачкала, sabri82@mail.ru

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИЧНОГО СПРЯЖЕНИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье полифункциональность показателей личного спряжения в лакском языке. Одной из функций которой, является обозначение ремы в предложении. В роли рематизаторов показатели -ра/-ру/-ри и -яв/-я могут перемещаться от сказуемого к другим членам предложения. В работах исследователей кавказских языков различные типы коммуникативного выделения наиболее значимой информации объединяются под термином «фокус».

Ключевые слова: *рематизатор, коммуникант, синтаксическая функция, фонетика, герундий, лакский язык.*

Основную функцию – указание отношения между участниками ситуации и локуторами – личные показатели совмещают и с другими синтаксическими функциями.

Одной из таких функций, является и обозначение ремы в предложении. В роли рематизаторов показатели **-ра/-ру/-ри** и **-яв/-я** могут перемещаться от сказуемого к другим членам предложения. В работах исследователей кавказских языков различные типы коммуникативного выделения наиболее значимой информации объединяются под термином «фокус». Впервые грамматические средства выделения новой, значимой для коммуникантов информации в дагестанских языках, в том числе и в лакском языке, было отмечено С.М. Хайдаковым, который назвал это явление «логическим ударением» [9, с. 88-90]. В описании синтаксиса лакского языка «логический акцент» отмечен К.И.Казениным в разделе о синтаксических средствах: «Предложение с логическим акцентом – это предложения, в которых один из членов выделен как содержащий новую информацию. В них показатель личного согласования перемещается от глагола к члену предложения, на котором стоит логический акцент» [5, с. 273]. Отмечается, что глагол при этом принимает форму причастия с суффиксом **-сса**. Используя понятия темы и ремы, грамматическое средство для обозначения ремы может быть названо рематизатором. Именно в этой функции выступают личные окончания. Приведём примеры функционирования этого явления (выделены показатели ремы):

(3) *Буттал машина лавсунни* ‘Отец машину купил’ – (31) *Бутталли машина лавссса* ‘Это отец купил машину’ – (32) *Буттал машинари лавссса* ‘Отец именно машину купил (а не что-либо другое)’.

(4) *На дуклу Лаккуйн лавгссияв* ‘Я в прошлом году ездил в Лакию’ – (41) *Наяв дуклу Лаккуйн лавгсса* ‘Это я в прошлом году ездил в Лакию’ – (42) *На дуклуяв Лаккуйн лавгсса* ‘Это в прошлом году я ездил в Лакию’ – (43) *На дуклу Лаккуиньяв* лавгсса ‘Это в Лакию я ездил в прошлом году’.

Как видно из примеров, личное согласование остаётся неизменным – в (3) и его коммуникативных (фокусно маркированных) вариантах показатель 3 лица **-ри** и его фонетические варианты указывают на объект переходного глагола (‘машина’), в (4) и его коммуникативных вариантах – показатель 1 л. прош. вр. **-яв** указывает на субъект непереходного глагола.

В частно-вопросительных предложениях рематизатор часто перемещается к вопросительному слову:

(5) *Ва гъаравух тпу чун лавгри?* ‘В такой дождь куда отец отправилия?’ – (51) *Ва гъаравух тпу чунни лавгсса?* ‘В такой дождь куда же это отец направился?’

Личный формант **-рив** (реже **-яв**) используется как *средство связи* зависимой конструкции с изъяснительным значением при глаголах речи мысли, при этом в составе зависимой конструкции присутствуют вопросительные слова, которыми обозначена рема (зависимые конструкции подчёркнуты):

(6) *Ттун къакулли, вай къатри та дурссарив.* ‘Я не знаю, когда был построен этот дом’

При отсутствии вопросительных слов в зависимой части, они преобразуются в герундийные оборот (61) или причастия с суффиксом **-сса** в значении герундия (62):

(61) *Ттун кИлли вай къатри 100 шинал хъхъичI дуршиву* ‘Я знаю, что это дом построен 100 лет тому назад’

(62) *Нузайн шиллив къутI увкусса ттун къабавуна.* ‘Что кто-то постучал в дверь, я не услышал’.

Вопросительная форма показателя 3-л. **-рив** перешёл в разряд союзных *клитик* с сопоставительно-противительным значением «а», сохраняя при этом и рематическую функцию:

(7) *Танил шама арс дяввилийн лавгссар, махъунайрив цаягу занакъаивкIссар* ‘Три её сына ушли на войну, а назад ни один не вернулся’.

Наконец, личные показатели в вариантах *ди/ да/ ду* употребляются в роли утвердительной частицы «да». В роли отрицательной частицы «нет» выступает отрицательная связка *бакъар / бакъара/ бакъару*. При этом в вопросительной реплике рема обозначена клитикой **-рив /-рав/-рув** и их фонетические варианты:

(8) *Буттацаллив оьрчI нанисса?* ‘Мальчик с отцом отправляется?’ – *Ди, буттацалли* ‘Да, с отцом’.

(81) *БуттацIаннав ина нанисса?* ‘К отцу ты едешь?’ – *Да, буттацIанна* ‘Да, к отцу’

(82) *БуттацIаннув зу бувкIсса?* ‘К отцу вы приехали?’ – *Ду, буттацIанну* ‘Да, к отцу’

(9) *Инарив чагъар чивчусса?* ‘Ты написал письмо?’ – *Ди, нари.* ‘Да, я’.

(91) *Инарав Асланнул автсса ?* ‘Тебя Аслан побил’ – *Да, нара* ‘Да, меня’

Личное согласование клитики подчиняется общим правилам – в ней отражается лицо субъекта при непереходном глаголе как в (8) и лицо объекта – при переходном глаголе как в (9).

Категории класса и лица, кумулятивно выражающие и значение числа, формируют основные синтаксические категории – пропозицию и предикацию. Под пропозицией понимается «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [2, с. 401]. В лакском языке производных от предложения конструкциями являются не только номинализации (масдарные и герундийные конструкции), но и атрибутивные (причастные) и адвербиальные (деепричастные и конвербные) конструкции. В формировании пропозиции участвуют категории падежа класса. Падежом кодируются именные члены (актанты) пропозиции, классно-числовые показатели указывают на ядерные актанты – субъект состояния, события, процесса (непереходные глаголы) и прямой объект действия при переходных глаголах. Категория лица участвует в формировании предикации. Ю.С.Степанов определяет предикацию как акт создания пропозиции. Он делит предикацию на два этапа: 1-й этап (предикация в узком смысле) – создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений – *незавершённая* предикация; 2-й этап (предикация в широком смысле) – утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности – *завершённая* предикация. «В глагольном предложении, – считает Ю.С.Степанов, – к предикации как вневременной связи, присоединяются показатели и смыслы двух других функций языковых выражений – номинации (показатель способа

бытия – сама лексема глагола) и локации (показатели времени, места, лица, наклонения и т.д.), которые группируются вокруг глагола, образуя «глагольный комплекс» предложения» [8, с. 393]. В лакском языке категория лица, в которой одновременно выражается и утверждение, может быть признана, наряду с модальностью, одной из основных категорий, обозначающих предикативность. Зависимые конструкции (номинализации и другие трансформы) не обладают самостоятельной предикативностью в силу того, что глагольные трансформы по лицам не изменяются и самостоятельной финитностью не обладают: финитность может быть выражена только вместе с морфемой лица.

Список литературы

1. *Абдуллаев И.Х.* Лакско-русский словарь. – Махачкала, 2018
2. *Арутюнова Н.Д.* Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: «Советская энциклопедия» 1990.
3. *Бурчуладзе Г.Т.* Вопросы становления личного спряжения в лакском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. V. - Тбилиси, 1978.
4. Грамматика современного русского литературного языка (Ред. Н.Ю.Шведова). - М.: «Наука», 1983.
5. *Казенин К.И.* Синтаксис современного лакского языка. – Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, Изд. АЛЕФ, 2013 – 318 с.
6. *Каяев А.* Грамматика лакского языка (на лак.) –Махачкала, 2009.
7. *Муркелинский Г.Б.* Грамматика лакского языка. – Даучпедгиз, -Махачкала, 1971.
8. *Степанов Ю.С.* Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: «Современная энциклопедия», 1990.
9. *Хайдаков С.М.* Система глагола в дагестанских языках. - М., 1971.

10.02.19

О.С. Склярова

Армавирский государственный педагогический университет,
Институт русской и иностранной филологии,
кафедра отечественной филологии и журналистики.
Армавир, olesya-lisena@rambler.ru

КОНЦЕПТ ОДИНОЧЕСТВО КАК СМЫСЛОВОЙ ФОКУС ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА «АВИАТОР»)

«Мы рождаемся одинокими, мы живем одинокими, мы умираем одинокими. Только в любви и дружбе мы можем на время представить, что мы не одиноки».

Орсон Уэллс, американский кинорежиссер

В статье анализируется индивидуально-художественная картина мира Е.Г. Водолазкина через призму метафорической репрезентации концепта ОДИНОЧЕСТВО как культурной универсалии. Выполнен концептуальный анализ текста романа «Авиатор», в результате которого выделено три метафорические модели, фреймы, концептуализирующие ОДИНОЧЕСТВО и создающие в его свете смысловой фокус романа, а метафоричность изображения состояния героев актуализирует контекст и является доминантой сюжетной линии. Выявлено, что концепт ОДИНОЧЕСТВО играет сюжетобразующую роль в художественной картине мира автора.

Ключевые слова: *индивидуально-художественная картина мира, концепт ОДИНОЧЕСТВО, метафорическая репрезентация, метафорическая модель, фрейм, слот, скрытые смыслы.*

Важную роль среди индивидуальных картин мира занимает художественная картина мира, которая, с одной стороны, входит в систему общей картины мира и формируется в социокультурном контексте, а с другой, является уникальным конструктом, рассматриваемым индивидуумом как единственно верное ощущение своего эго и его места в окружающем мире. Очевидно, что индивидуальная картина мира обладает высокой субъективностью, возможностью выразить себя как автора посредством выбранных языковых средств в процессе актуализации художественного концепта.

Цель статьи – выявление и описание глубинных структур и доминантных концептуальных метафор, формирующих художественную картину мира Е.Г. Водолазкина, посредством создания фреймовой модели концепта ОДИНОЧЕСТВО, отражающей метафорическую репрезентацию данного концепта.

Актуальность и научная новизна статьи обусловлены тем, что концепт ОДИНОЧЕСТВО в его онтологическом понимании являясь культурной универсалией, описанной в романе посредством метафорической модели *Человек – остров*, представляет собой интересную тему для когнитивного исследования и впервые рассматривается в контексте индивидуальной художественной картины мира Е.Г. Водолазкина.

Творчество Е.Г. Водолазкина, отмеченное многочисленными российскими и зарубежными премиями, заслуживает внимания, многоплановость и метафоричность его произведений представляют собой интересный материал для лингвистического исследования.

Выбор практического материала также продиктован тем обстоятельством, что в одном из самых глубоких философских романов современности концепт «Одиночество», будучи смысловым фокусом романа, имеет активное выражение в метафорических моделях.

В исследовании использовались **методы** концептуального анализа, а также методы метафорического и фреймового моделирования.

Концепт – «зерно первосмысла, семантический “зародыш” слова» [4, с. 68], предназначен для формирования новых смыслов, отражения картины мира в сознании индивидуума. Чем богаче индивидуальная художественная картина мира, тем сложнее концептуальное ее наполнение через посредство художественных концептов. В данной статье разделяется мнение О.Е. Беспаловой, предлагающей рассматривать художественный концепт как «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [1, с. 6].

И.А. Стернин, рассматривая механизм выявления скрытых интенций автора в тексте, писал: «Понимание скрытого смысла высказывания в тексте осуществляется по ментальным рецептивным схемам языкового сознания социума» [5], таким образом, писатель, создавая текст произведения апеллирует к определенным метафорическим моделям и смыслам, раскрыть которые внимательный читатель может, опираясь на коллективный и индивидуальный опыт. М. Блэк объясняет это следующим образом: «Читателю приятно решать головоломки, или он радуется умению автора наполовину скрыть, наполовину обнаружить истинный смысл, или же он находится в состоянии “приятного удивления”» [2, с.157].

Начиная с конца XX века и до настоящего времени в отечественной и зарубежной науке наблюдается активный интерес к изучению метафоры в рамках когнитивной лингвистики. В работах М. Блэка, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ю.Д. Апресяна, Н.А. Арутюновой, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, А.П. Чудинова и многих других находим основные положения когнитивного подхода к исследованию метафор.

Когнитивный подход к метафоре как способу выражения глубинных значений возникает в результате переноса знаний из одной понятийной области в другую. Способность человека структурировать свои мысли дает исследователю возможность выстраивать метафорические модели, благодаря которым становится понятнее внутренний мир автора, его художественная картина мира. «В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики метафорическая модель является типовым соотношением семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, выступающих в виде образца для возникновения новых вторичных значений» [6, с.39].

В романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» смысловой акцент текста направлен на одиночество человека. Обращение к этому понятию проходит красной нитью через весь текст произведения, играя сюжетобразующую роль. Такой способ метафорического проецирования действительности находит отражение в социоморфной метафорической модели, в рамках которой можно выделить несколько фреймов, рассматриваемых ниже.

Обращает на себя внимание явная метафоричность названия романа – «Авиатор» и жанр романа – дневник, т.е. уединение человека, погружение в свой закрытый для прочих людей мир.

Характерной чертой когнитивной метафоры, рассматриваемой в рамках анализа художественно-метафорической картины автора, является развернутость метафоры, что дает возможность исследователю декодировать скрытые смыслы, вложенные автором в текст.

В ходе концептуального анализа текста романа «Авиатор» было выделено три метафорических модели концепта ОДИНОЧЕСТВО, представленных далее в фреймах и слотах.

Фрейм 1. Авиатор как символ внутреннего одиночества - свободы.

Слот 1. Метафорическое проецирование ощущения независимости и свободы от оков приземленности, т.е. сил гравитации, а также от других людей. Ощущение полета:

*Однажды в Сиверской я видел, как с плохо выкошенного поля взлетал аэроплан.<...> С каких-то пор эта картинка видится мне символом надлежащего течения жизни. Мне кажется, что у людей состоявшихся есть особенность: **они мало зависят от окружающих.** Независимость, конечно, не цель, но она – то, что помогает достигать цели.<...>А ты летишь в избранном тобой направлении и чертишь в эфире дорогие тебе фигуры.*

Стоящие внизу ими восхищаются (немножко, может быть, завидуют), но не в силах что-либо изменить, поскольку в этих сферах всё зависит лишь от умения летящего. От прекрасного в своем одиночестве авиатора [3, с. 226].

В данном слоте одиночество представлено не как негативное состояние, но как необходимое человеку состояние независимости, свободы, легкости бытия и полета.

Слот 2. Одиночество как состояние погруженности в свои ощущения.

Одному мальчику не хватило пары. И вот он говорит: «Гроза будет, конец нам. Ничто, казалось, грозы не предвещало, но это именно что казалось: из-за роицы, на которую мы не смотрели, надвигалась просто-таки свинцовая туча. Мы, в отличие от предупредившего нас, были заняты собой и ничего не заметили. Я позже в жизни наблюдал, что одинокие люди чувствуют тоньше и приближение перемен замечают раньше других» [3, с. 220].

В данном слоте одиночество рассматривается не как физическое состояние, а как душевная или ментальная отстраненность. В данном примере автор тонко отмечает, что в этом состоянии человек способен тонко чувствовать приближение перемен, так как никто и ничто не отвлекает их.

Фрейм 2. Человек - остров. Слот 1. Остров как преодоление, ответ на вызов.

Открылся рассказ о том, как Робинзон перевозит вещи с бывшего своего корабля. Из запасных мачт сооружает плот и, делая ходку за ходкой, доставляет на берег запасы провизии, плотницкие инструменты, парусину, канаты, ружья, порох и много чего другого. Плот качается под тяжестью спускаемых на него сундуков, и сердце читателя бьется, потому что всё у Робинзона – последнее, ничему нет замены. Родившее его время осталось где-то далеко, может быть, даже ушло навсегда. Он теперь в другом времени – с прежним опытом, прежними привычками, ему нужно либо их забыть, либо воссоздать весь утраченный мир, что очень непросто. [3, с. 25].

Слот 2. Остров как безнадежность и смерть.

Смерти я не боялся еще в одном месте: на острове. В отличие от Никольского кладбища, там она чувствовалась повсюду. Нельзя сказать, что за своими жертвами смерть в наши бараки приходила: она в них жила. Ее присутствие стало настолько будничным, что на нее уже не обращали внимания. Умирали без страха. [3, с. 196].

Сравнивая эти два острова, автор пишет: «Те, что создали соловецкий ад, лишили людей человеческого, а Робинзон – он ведь, наоборот, очеловечил всю окружающую его природу, сделал ее продолжением себя. Они разрушали всякую память о цивилизации, а он из ничего цивилизацию создавал. По памяти» [3, с. 225].

Свои ощущения от этих двух островов Платонов ассоциирует с цветом. Белый цвет – метафора смерти, все на Соловках покрыто снегом.

А я ведь не люблю снега. На острове снег, бывало, до полугода лежал. Ходишь по нему в тряпичных туфлях, подвязанных бечевкой (уж какие там сапоги на молнии!), и никто особенно не интересуется, застудишься ты или нет. А если первым в отряде идешь, по непротоптанному пути, то снегу по пояс. [3, с. 47].

Фрейм 3. Одиночество как безлюдие и ужас.

Однажды меня ребенком привезли в больницу с приступом аппендицита. Меня пугали белые коридоры, пугал запах лекарств, но в настоящее отчаяние меня привело то, что в операционную со мной не пустили родителей. Меня увозили на каталке, а я, вывернувшись, смотрел назад на них – скорбную пару, махавшую мне откуда-то из глубин коридора. Я обливался слезами от своего внезапного одиночества, а еще от бесконечной жалости к ним, потому что их сиротство было, я знал, острее моего. Я не позволял себе реветь в голос, чтобы не усугублять их страдания, но слёзы мои текли так обильно, что озадачивали даже видавших виды сестер. [3, с. 225].

Вывод. Индивидуальная картина мира Е.Г. Водолазкина находит отражение в метафоричности художественного текста романа. Описывая сложное психологическое состояние главного персонажа, автор образно передает онтологические смыслы (концепт ОДИНОЧЕСТВО), которые выражены в определенных метафорических моделях. Автор

текста в иносказательной форме вербализует сложный феномен одиночества, отраженный в фреймах и слотах метафорической модели. Таким образом, метафоричность текста романа способствует созданию картины мира, отражающей индивидуальную художественную картину Е.Г. Водолазкина.

Список литературы:

1. Беспалова О.Е. О соотношении художественного и культурного концептов (на материале поэзии Н. Гумилёва)//Слово. Семантика/Сб. науч. тр., посвященный юбилею профессора В.В. Степановой.– СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.– С. 89-95.
2. Блэк М. *Метафора*. //Теория метафоры: Сборник: / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — М.: Прогресс, 1990. — 512 с.
3. Водолазкин Е.Г. *Авиатор*. – М.: Издательство АСТ, 2018.– 410 с.
4. Колесов, В. В. *Философия русского слова* / В. В. Колесов. – СПб: ЮНА, 2002. – 448 с.
5. Стернин И.А. Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания (по материалам лингвистической экспертизы текста). URL: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/118-izbrannye-stati-2006-2012>. Дата обращения – 20. 01.2020 г.
6. Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991— 2000)*. Екатеринбург, 2001.–238 с.

10.02.19

А.Я. Хусаинова канд. филол. наукГУ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
Казань, Husainova_Alina@mail.ru**ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ТАТАРСКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ**

В данной статье рассматривается соотношение экстралингвистических и собственно лингвистических факторов при классификации татарских переселенческих говоров. Изучаются и выявляются системно-структурные особенности и экстралингвистические факторы переселенческих говоров, которые свидетельствуют о сохранении исходной основы материнских говоров.

Ключевые слова: *Переселенческие говоры, материнские говоры, экстралингвистические факторы, лингвистические факторы, татарская диасистема, иноязычное окружение.*

Исследования современных говоров татарского языка одна из важнейших задач татарской диалектологической науки. В данной проблематике особое место занимает изучение переселенческих говоров. Исследования подобного рода осложняются тем фактом, что некоторые переселенческие говоры подвержены быстрому процессу нивелировки. Поэтому необходим сбор диалектологического материала и его дальнейшая научная интерпретация.

Изучение переселенческих говоров актуально также тем, что на примере данных говоров прослеживается связь экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, которые в свою очередь, обуславливают особенности развития языков и диалектов в диахронном аспекте. В переселенческих говорах, в наше время, могут сохраняться связи говоров разного типа, которые наблюдались на исконной территории носителей в прошлом. В ходе изучения вторичных говоров, диалектные особенности, как и другие системные явления позволяют говорить о единстве татарских говоров, как части диасистемы.

Татарские народные говоры распространены на огромных территориях. Многие из них были заселены татарами в разные периоды и при различных условиях. Переселенцы были выходцами из различных областей и регионов. Всё это оказало определенное влияние на различия в формировании татарских говоров на новых территориях. Основа говоров, сформировавшихся на новой территории заметно отличается от основы первичных говоров. Она может быть полидиалектной либо монодиалектной основой, но вместе с тем она изолирована и находится в окружении других говоров и диалектов.

При систематизации переселенческих говоров ведущими аспектами являются как системные различия, так и экстралингвистические факторы. Л.И. Баранникова подчеркивает следующие значимые экстралингвистические факторы: а) время переселения носителей; б) характер переселения; в) характер отношений с окружающими носителями [1].

Помимо вышеперечисленных экстралингвистических факторов выделяют также собственно лингвистические факторы: 1) характер диалектной основы; 2) характер отношений основ контактирующих говоров; 3) характер отношений с материнскими говорами; 4) характер развивающегося вторичного говора; 5) диалектная принадлежность говора [1, 3].

В данной статье мы будем рассматривать татарские говоры Иркутской области. Эта первая попытка изучения татарских говоров данного региона. Рассмотрим вышеперечисленные факторы в исследуемых нами татарских переселенческих говорах.

Хозяйственное освоение изучаемого нами района начинается с указа 1688 года о переселении из Западной Сибири 500 крестьянских семей. Переселение крестьян продолжалось до конца XIX века. Это обосновывается метрическими книгами Никольской

церкви (Залари). С этими христианами, возможно, переселились и татары, жившие в Западной Сибири ещё со времен Сибирского ханства. Эту точку зрения подтверждают и топонимические данные региона. Например, в списках населенных пунктов Заларинского района 1798 года числится хутор Минусинский. Первую заимку, расположенную неподалеку от Залари Заимку Сейфуллина, скорее всего основал татарин. После, в этом районе, недалеко от московского тракта, на картах 1905 года отмечаются заимки Фахардитова, Каптигулова, Апсолямова.

В конце XIX начале XX веков земли на юге и востоке европейской части страны были заняты. Большие потоки переселенцев направились за Урал. Одним из самых больших потоков было переселение крестьян на новые территории, также было переселение в города, на различные стройки. В этом потоке шло и переселение татар из Среднего Поволжья и Приуралья. Это находит отражение в материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. [2].

Сформировавшиеся в данных условиях татарские переселенческие говоры имеют свои особенности. И опираясь на описанные выше лингвистические и экстралингвистические факторы, говоры исследуемой территории можно охарактеризовать следующим образом. По характеру переселения, данные говоры сформированы носителями, переселившимися в разное время. Носители говоров находятся в тесном контакте с окружающими их народами. Характерна полидиалектальная основа говоров.

Рассмотрим некоторые фонетические и лексические особенности татарских переселенческих говоров Иркутской области.

По фонетическому составу татарские говоры Иркутской области близки к литературному языку. Есть также свои особенности, ниже рассмотрим их.

В исследуемых говорах можно отметить следующие звуковые соответствия гласных. Например, вместо литературного *о* используется звук *ы*: *тырмыш* – тормыш, *хыдай* – ходай, *кыймак* – коймак. Литературным *э/е* соответствует *и*: *ичмэй* – эчми, *пичэн* – печэн, *ич* – эч, *биз* – без. В определенных группах слов прослеживается соответствие звуков *о~у, ө~ү, у~ы*: *күреш* – көрэш, *төшәм* – түшәм, *орлылар* – урлылар, *бутқа* – ботка, *шылай*-шулай, *шыларны* – шуларны и др.

В области согласных исследуемые говоры близки к литературному. Также можно выделить некоторые особенности. Ж-оканье характерно для позиции в начале слова: *жук* – юк, *жәшем* – яшем, *жәшел* – яшел, *жаз* – яз, *жәгерменче* – егерменче. Но в некоторых населенных пунктах в этой же позиции наблюдается й-оканье: *йомга көн* – жомга көн, *ерлар ерлий* – жырлар жырлий.

В следующих примерах в позиции между двумя гласными вместо литературного *д* употребляется *з*: *бозай* – бодай, *изэн* – идэн.

В ряде слов также наблюдается полная ассимиляция согласного *с* последующему звуку *ч*: *чөйөнче* – сөенче, *бачкыч* – баскыч

Как показывают собранные материалы лексическая система исследуемых говоров также близка к словарному фонду татарского литературного языка. Вместе с тем, наблюдаются и специфичные явления. Рассмотрим некоторые тематические группы диалектных лексем.

Термины родства: *әтү, әнү, картый, инэй, картәтэй, әтәү, әңңәчәй, қатын, нәнэй, дәү әти*.

Бытовая лексика: *сапаяк* – ковш, *бидерә, сәндерә, стайка, ызба, зур пич, табагач, пич алдысында, капка*

Названия пищи: *әти, икмәк, колак* – хворост, *бүккән, умарта* – хворост, *май ашы* – хворост, *төрмә* – пирожок.

Исследуемые говоры близки к литературному языку. Вместе с тем сформирована своя система фонетических, лексических и грамматических особенностей. Как видно из исторических источников, большинство носителей говоров являются выходцами из Казанской и Уфимской губернии. В основном это представители среднего диалекта. Но также из указанных регионов и Пензенского уезда переселились носители западного

диалекта. Своеобразное развитие получили кряшенские говоры, носители которых переселилась из Заказанья и Бакалинского района республики Башкортостан. Таким образом, для говоров иркутских татар первичными, материнскими говорами являются группы заказанских говоров, также распространённые в Поволжье и Приуралье говоры среднего и западного диалектов. Среди рассмотренных выше особенностей, можно отметить параллельное использование *к/қ, г/ғ, й/ж* и др. Можно вывести общие особенности с материнскими говорами, например, в исследуемых говорах сохраняются особенности заказанских говоров, являющихся для них первичным. Одна из них – двойной притяжательный постфикс местоимений *анысы, монысы, кайсы, шунысы* в 3 лице единственного числа (*қайсысы, шунсысын*) и др. Систематически используется, свойственная для западного диалекта монофтонгизация дифтонгов *ай/-эй, уй/-үй, -ый* в позиции перед переднеязычными согласными *т, д, с, ц, н, л*: *әтәбез – әйтәбез, сүлиләр – сөйлиләр, бәли – бәйли*.

Как видно из представленных материалов, в переселенческих говорах могут отражаться междиалектные, межъязыковые связи, а также влияние окружающих родственных и неродственных языков. При сохранении первичной диалектной базы (материнский пласт), говоры активно обогащаются иноязычными включениями. В то же время, изоляционный характер существования говоров позволяет сохранять специфические диалектизмы. Исследуемые говоры требуют тщательного изучения, поскольку находятся на пути полной нивелировки. Молодое поколение носителей плохо владеет или не владеет родным языком. Диалектологические особенности говоров татар данного региона практически не исследованы. Поэтому изучение татарских переселенческих говоров Иркутской области является особенно актуальным.

Список литературы

1. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания, 1975. – № 2. – С.22-29
2. Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.) : монография. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – С.66.
3. Цаллагова И. Н. Переселенческие говоры дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. Вып. 17 (56). – 2015. – С. 89 – 99

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

А.М. Саяпова

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТИПА
ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ЦЕЛОЕ

Ключевые слова: диалогический тип творческого сознания, мистицизм Н. Кузанского, мистицизм Ибн Араби, философия Н. Бердяева.

В статье рассматриваются истоки формирования диалогического типа творческого сознания как сочетание западного понимания мира с восточным. Дается сравнительно-сопоставительный анализ рационально-аналитического средневекового мистицизма Н. Кузанского с иррациональным религиозно-философским мистицизмом Ибн Араби. В философии Н. Бердяева усматривается движение от рационализма к иррационализму средневекового типа, близкого к мистицизму Ибн Араби.

A.M. Sayapova

ORIGINS OF FORMING OF DIALOGIC TYPE
CREATIVE CONSCIOUSNESS AS THE WHOLE

Keywords: dialogic creative consciousness, N. Kuzansky's mysticism, Ibn Araby's mysticism, N. Berdyaev's philosophy.

In the paper the origins of forming of dialogic creative consciousness as combination of west conception of world with the east one's are considered. We give comparatively analysis of N. Kuzansky's rational-analytical medieval mysticism with Ibn Araby's irrational religiously-philosophical mysticism. In N. Berdyaev's philosophy we discover the movement from rationalism to irrationalism of medieval type similar Ibn Araby's mysticism.

Р.Р. Валиуллина, И.А. Еникеев

КАЗАНСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В
ТВОРЧЕСТВЕ А.ХАИРОВА И Р.БЕККИНА

Ключевые слова: казанский текст, национальные образы, идентичность, рассказ, А. Хаиров, Р.Беккин.

Статья посвящена проблеме формирования казанского текста. На примере творчества А.Хаирова и Р.Беккина Казань представлена как особое толерантное семантическое пространство. Многоконфессиональность и полиэтничность города формируют казанские мифологемы, которые участвуют в создании казанского текста.

R.R. Valiullina, I.A. Enikeev

THE KAZAN TEXT OF RUSSIAN LITERATURE IN THE
WORKS OF A. KHAIROV AND R. BEKKIN

Keywords: Kazan text, national images, identity, short story, A. Khairov, R. Bekkin.

The article is dedicated to the problem of the formation of the Kazan text. Through the example of the legacy of A. Khairov and R. Bekkin, Kazan is presented as a special tolerant semantic space. The religious diversity and multiethnic nature of the city shape the Kazan mythologemes, which are involved in the creation of the Kazan text.

Л.Р. Насыйхова

СИСТЕМА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРОВ ТАТАРСКОЙ
ГАЗЕТЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: газетный текст, публицистический текст, информационные жанры, жанры газетного текста, заметка, очерк, репортаж.

В данной статье предпринимается попытка систематизации и анализа информационных жанров татарской газеты периода Великой Отечественной войны на примере газет «Ватан очен» («За Родину»), «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), «Сталин сугышчысы» («Сталинский воин»), «Фронт правдасы» («Фронтальная правда»). Из всех информационных жанров в рассматриваемых газетах чаще всего встречаются заметки, очерки, репортажи.

L.R. Nasykhova

THE SYSTEM OF INFORMATIONAL GENRES OF THE
TATAR NEWSPAPER OF THE PERIOD OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR

Keywords: newspaper text, journalistic text, informational genres, genres of newspaper text, note, essay, reportage.

This article attempts to systematize and analyze the informational genres of the Tatar newspaper of the period of the Great Patriotic War using the example of the newspapers «Watan ochen» («For the Motherland»), «Kyzyl Tatarstan» («Red Tatarstan»), «Stalin Sugyshchysy» («Stalin Warrior»), «Front Pravdasy» («Frontovaya Pravda»). Of all the informational genres in the newspapers in question, notes, essays, and reports are most often encountered.

Чэнь Шаньшань

ЖЕНСКАЯ ПРОЗА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

Ключевые слова: русская литература, женская проза, нарративная стратегия.

Современная русская женская проза имеет непреодолимый импульс. Развитие русской женской прозы привело к появлению диверсифицированной тенденции в русской литературе в целом. В этой статье исследуются особенности современной русской женской прозы и нарративные стратегии современной русской женской прозы, анализируются творческие приемы и эстетическое сознание основных женщин-писателей в современных русских литературных кругах.

Chen Shanshan

WOMEN'S PROSE IN MODERN RUSSIAN LITERATURE
AND ITS NARRATIVE STRATEGY

Keywords: Russian literature, women's prose, narrative strategy. Contemporary Russian women's prose has an irresistible impulse. The development of Russian women's prose led to the emergence of a diversified trend in Russian literature in general. This article explores the narrative strategies of contemporary Russian women's prose and analyzes the creative techniques and aesthetic consciousness of the main women writers in contemporary Russian literary circles.

Н.В. Габдреева, М.А. Калашникова

ТИПОЛОГИЯ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИДИОСТИЛЕ
СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: идиостиль, заимствованная лексика, лексико-семантические новообразования, современная проза.

В статье анализируется типология новых заимствований в русском языке новейшего периода на примере произведений Д. Рубиной. Типология представлена четырьмя типами заимствований вследствие ассимиляции иноязычной лексики, приведено функционирование лексем в текстах произведений автора.

N.V. Gabdreeva, M.A. Kalashnikova

THE TYPOLOGY OF NEW BORROWED UNITS IN
CONTEMPORARY AUTHORS' IDIOSTYLE

Keywords: idiostyle, borrowed lexemes, lexical-semantic units, contemporary literature.

The article analyzes the typology of new borrowings in the Russian language of the latest period on the example of D. Rubina's oeuvre. The typology is represented by four types of borrowings according to assimilation of foreign language vocabulary, the functioning of lexemes in the texts of the author's works is given.

Н.В. Коврыгина
 ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «КОСМОС» В
 ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: концепт, прагматика, художественный дискурс, языковая картина мира, языковая личность.

В статье рассматривается функциональный и прагматический потенциал концептуального понятия «Космос» в рамках современной языковедческой парадигмы. Особое внимание уделяется изучению особенностей функционирования исследуемого концепта в аспекте коммуникативной прагматики и их реализации в текстах художественных произведений. Использование методов системного, семантического и контекстуального анализа позволило частично систематизировать понятийный аппарат, связанный с изучаемой сферой лингвистической прагматики и аксиологии, расширить представление о функционале концепта «Космос» в художественном дискурсе.

Л.П. Колоколова
 К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ
 МОДЕЛИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: когнитивный аспект, словообразовательное значение, словообразовательный потенциал.

Статья посвящена когнитивному исследованию словообразования. В ней проблемы системности словообразования анализируются с функционально-когнитивной точки зрения. В качестве основного словообразовательного объекта рассматривается словообразовательное значение слова, в котором отражаются различные аспекты конкретизации глобального концепта в процессе речевой коммуникации.

Ю.В. Марандич, Е.В. Меркель, В.С. Шишаева
 К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ТОПОНИМИЧЕСКОГО
 МАТЕРИАЛА ЖИГАНСКОГО УЛУСА

Ключевые слова и фразы: Жиганский улус, топоним, ойконим, гидроним, несоним, ороним, этимология.

В статье представлены предварительные результаты исследования топонимов одного из арктических районов Якутии – Жиганского улуса. Топонимикон района исследования отражает результаты освоения территории путем «многослойной» миграции. Осуществлена классификация собранных топонимов по виду объекта, представлены статистические данные по результатам анализа топонимов в этимологическом аспекте.

Ян Фан
 СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В
 ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЙСКОЙ
 АУДИТОРИИ (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный метод, русский язык, обучение китайцев, лексические особенности, коннотативный компонент.

В процессе обучения китайских студентов русскому языку важно обращать внимание на различия в лексической системе русского и китайского языков. Это поможет избежать трудностей в преподавании русского языка в китайской аудитории, а также преодолеть проблему возникновения интерференционных ошибок в речи обучающихся. В статье рассмотрена значимость применения сравнительно-сопоставительного метода в преподавании китайским студентам русского языка; проанализированы примеры лексических единиц, демонстрирующие явные различия их семантики в русском и китайском языках.

Ж.Г. Жигунова, Е.В. Шило
 СИНОНИМИЯ ЭПОНИМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
 ТЕРМИНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Ключевые слова: эпоним, эпонимный термин, синоним, синонимический ряд, терминология социальной работы.

В статье исследуется явление синонимии эпонимных

N.V. Kovrygina
 FUNCTIONING OF «SPACE» CONCEPT IN ARTISTIC
 DISCOURSE

Keywords: concept, pragmatics, artistic discourse, language worldview, language personality.

The article deals with the functional and pragmatic potential of the conceptual term «space» in the framework of the modern linguistic paradigm. Special attention is paid to the study of the peculiarities of the functioning of the concept in the aspect of communicative pragmatics and their implementation in the texts of artistic works. The use of methods of definitional, semantic and contextual analysis allowed us to systematize the conceptual apparatus associated with the studied sphere of linguistic pragmatics and axiology, expand the understanding of the functional concept of «Space» in artistic discourse.

I.P. Kolokolova
 TO THE QUESTION ABOUT FUNCTIONAL-SEMANTIC
 MODELING OF WORD FORMATION

Keywords: cognitive aspect, derivational meaning, word-formation potential.

The article is devoted to the cognitive study of word formation. It analyzes the problems of systemic word formation from a functional and cognitive point of view. As the main word-formation object, the word-formation meaning of the word is considered, which reflects various aspects of the concretization of the global concept in the process of speech communication.

Y.V. Marandich, E.V. Merkel, V.S. Shishaeva
 TO THE PROBLEM OF ANALYSIS OF TOPONYMIC
 MATERIAL OF ZHIGANSKY ULUS

Keywords: Zhigansky ulus, toponym, oikonym, hydronym, nesonym, oronym, etymology.

The preliminary results of research of the topolexemes of Zhigansky ulus (Arctic region of Yakutia) are presented in the article. The toponyms of the researched area reflect the results of the development of the territory through a so-called layered migration. The classification of the collected toponyms was carried out by the object type, statistical data on the results of the analysis of toponyms in terms of etymology was presented.

Yang Fang
 THE COMPARATIVE METHOD IN RUSSIAN LANGUAGE
 TRAINING TO THE CHINESE AUDIENCE
 (LEXICAL ASPECT)

Keywords: comparative method, Russian, teaching Chinese students, lexical features, cultural-loaded words.

It is important to pay attention to the differences in the lexical system of Russian and Chinese languages while teaching Russian language to Chinese students. This will help to avoid difficulties in teaching Russian to a Chinese audience, as well as overcome interference errors in students' speech. The article describes the importance of comparative method in teaching Russian language to Chinese students; analyzes the examples of lexical units, showing the clear distinction of their semantics in the Russian and Chinese languages.

Zh.G. Zhigunova, E.V. Shilo
 SYNONYMY OF EPONYMS IN ENGLISH SOCIAL WORK
 TERMINOLOGY

Keywords: eponym, eponymous term, synonym, synonymic series, terminology of social work.

The article analyzes the synonymy of eponymous terms in the

терминоединиц англоязычной терминологии социальной работы. Эпонимные термины составляют неотъемлемую часть терминологии большинства сфер профессиональной деятельности, формируя особый пласт специальной лексики. Проведенный анализ позволил выявить синонимические ряды, содержащие в себе термины-эпонимы и установить основные причины терминологической синонимии.

О.В. Рамантова

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
“ОСОЗНАННОГО ПУТЕШЕСТВИЯ” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ТРАВЕЛ-ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: антропоцентризм, медленное путешествие, осознанное путешествие, перцепция, трэвел-дискурс.

Статья посвящена актуальному на сегодняшний день изучению трэвел-дискурса и содержит результаты исследования некоторых аспектов языковой актуализации “осознанного путешествия”. В работе раскрывается понятие “осознанное путешествие”, обосновывается роль автора в повествовании. В ходе исследования выявлены языковые средства и приемы, образующие особый стиль повествования в текстах категории slow travel/intelligent travel. Полученные результаты позволяют утверждать, что концепция “осознанного путешествия” имеет определенную лингвостилистическую специфику языкового выражения, которая, в свою очередь, способствует созданию типичного для текстов о медленном путешествии аутентичного характера изложения.

О.В. Рамантова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ SOMETHING И
НАРЕЧИЙ SOMEHOW, SOMEWHAT В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
ГОВОРЯЩЕГО О НЕОЖИДАННОМ И СТРЕССОВОМ
ЖИЗНЕННОМ ОПЫТЕ

Ключевые слова: антропоцентризм, категория неопределенности, неопределенные местоимения, прагматическое значение, экстралингвистическая ситуация.

Статья посвящена вопросу функционирования местоименных и адвербиальных средств неопределенной семантики в современной медиакоммуникации и содержит описание специфики их использования в описании субъектом восприятия кризисных жизненных ситуаций, в которые он оказался вовлечен. Предлагается проанализировать возможности интерпретации наиболее типичных высказываний данного содержания с учетом прагмакоммуникативных факторов. Полученные результаты указывают на то, что прагматические ориентиры somehow, somewhat, something уточняют специфику индивидуального восприятия субъектом себя в значимые для него моменты жизни.

З.М. Габуня, Э.Ю. Улимбашева

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНОВ И СУДЬБЕ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

Ключевые слова: переструктурирование, самоорганизация, миноритарные языки, лингвоэкология, пассионарность, этнокультурная идентичность.

Данная статья рассматривает проблемы, связанные с выживанием малочисленных языков в потоке происходящих объединений республик и миграционных процессов. В сущности, эти процессы активно стирают границы языкового и культурного различия народов, стран, формируя новые социальные структуры, в котором одни общественные приоритеты рушатся, а другие претендуют на глобальное доминирование. Одновременно следует отметить, что общество к этому не готово. Об этом свидетельствуют статистические данные ученых. Только незначительная часть населения Земли считают себя как живущие поверх национальных барьеров, т.е. основная часть общества полагает, что необходимо учитывать ее этнокультурную и религиозную идентичность как составную часть человеческого бытия. В таких случаях языковая политика становится

English terminology of social work. Eponymous terms are an integral part of the most LSPs. They form a special layer of professional vocabulary. The analysis made it possible to identify synonymous series containing eponymous terms and to find out the main reasons of terminological synonymy.

O.V. Ramantova

LANGUAGE ACTUALIZATION OF SLOW TRAVELLING IN
ENGLISH TRAVEL-DISOURSE

Keywords: anthropocentrism of travel texts, cognition, intelligent travel, perception, slow travel.

The proposed paper presents the results of the study of slow travelling/intelligent travelling language representation in the English-language travel media texts. The paper justifies the role of the author of travel texts about intelligent travelling and describes the contents of the “slow travel” concept. The originality of the study is defined by the linguistic analysis of texts about intelligent travelling. The obtained results prove that the “slow travel” concept is represented on semantic, grammatical, and syntactic levels and has certain stylistic devices of its actualization which altogether form the specific style of narration and define the authentic way of the reader’s full perception of the trip.

O.V. Ramantova

THE FUNCTIONING OF PRONOUN SOMETHING AND
ADVERBS SOMEHOW, SOMEWHAT IN THE SPEAKER’S
STATEMENTS ABOUT NEW AND STRESSFUL LIFE
EXPERIENCE

Keywords: anthropocentrism, category of indefiniteness, cognition, extralinguistic context, perception, pragmatic meaning. The proposed paper is devoted to the issue of the functioning of the indefiniteness category and presents the results of the study of specific functioning of indefinite pronouns and adverbs in the description of the speaker’s perception of stressful and unexpected life situations. The research highlights the meaning of critical life moments as a factor which determines the use and interpretation of indefinite pronouns. The obtained results prove that the adverbs “somehow”, “somewhat” and the pronoun “something” are special pragmatic markers and specify the speaker’s perception and self-perception.

Z.M. Gabunia, E.Y. Ulimbasheva

TO THE PROBLEM OF RESTRUCTING OF THE
POLITICAL SPACE OF THE REGIONS AND TO THE
FATE OF THE MINORITY PEOPLES.

Keywords: restricting, self-organization, minority languages, linguology, passionarity, ethnocultural identity.

The article is devoted to the analysis of the problems concerning with the survival of the minority peoples during the current union of the republics and migratory processes. These processes actively remove the borders of the lingual and cultural differences of the people and countries forming the new social structures.

фактором, формирующим и изменяющим языковую ситуацию как в отдельных регионах и странах, так и постепенно в мировом пространстве.

С.Б. Какваева

ПРЕДИКАТЫ СОСТОЯНИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: лакский язык, предикативная функция, перфектное деепричастие, номинатив, генитив, дативная конструкция, инфинитив.

В статье даётся анализ предикатов состояния в лакском языке. Выявлено, что аналитическая форма «перфектное деепричастие на -ну/-ун + спрягаемая связка» и так называемые «страдательные обороты» являются одним из основных способов выражения состояния субъекта в лакском языке в конструкциях разных моделей предложения.

С.Б. Какваева

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЛИЧНОГО СПРЯЖЕНИЯ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: рематизатор, коммуникант, синтаксическая функция, фонетика, герундий, лакский язык.

В статье полифункциональность показателей личного спряжения в лакском языке. Одной из функций которой, является обозначение ремы в предложении. В роли рематизаторов показатели -ра/-ру/-ри и -яв/-я могут перемещаться от сказуемого к другим членам предложения. В работах исследователей кавказских языков различные типы коммуникативного выделения наиболее значимой информации объединяются под термином «фокус».

О.С. Складорова

КОНЦЕПТ ОДИНОЧЕСТВО КАК СМЫСЛОВОЙ ФОКУС ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА «АВИАТОР»)

«Мы рождаемся одиночками, мы живем одиночками, мы умираем одиночками. Только в любви и дружбе мы можем на время представить, что мы не одиночки».

Орсон Уэллс, американский кинорежиссер

Ключевые слова: индивидуально-художественная картина мира, концепт ОДИНОЧЕСТВО, метафорическая репрезентация, метафорическая модель, фрейм, слот, скрытые смыслы.

В статье анализируется индивидуально-художественная картина мира Е.Г. Водолазкина через призму метафорической репрезентации концепта ОДИНОЧЕСТВО как культурной универсалии. Выполнен концептуальный анализ текста романа «Авиатор», в результате которого выделено три метафорические модели, фреймы, концептуализирующие ОДИНОЧЕСТВО и создающие в его свете смысловой фокус романа, а метафоричность изображения состояния героев актуализирует контекст и является доминантой сюжетной линии. Выявлено, что концепт ОДИНОЧЕСТВО играет сюжетообразующую роль в художественной картине мира автора.

А.Я. Хусаинова

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ

Ключевые слова: Переселенческие говоры, материнские говоры, экстралингвистические факторы, лингвистические факторы, татарская диасистема, иноязычное окружение.

В данной статье рассматривается соотношение экстралингвистических и собственно лингвистических факторов при классификации татарских переселенческих говоров. Изучаются и выявляются системно-структурные особенности и экстралингвистические факторы переселенческих говоров, которые свидетельствуют о сохранении исходной основы материнских говоров.

S.B. Kakvaeva

PHASE CATEGORY IN LAK LANGUAGE

Keywords: Lak language, predicative function, perfect gerunds, nominative, genitive, dative construction, infinitive.

The article provides an analysis of state predicates in the Lak language. It was revealed that the analytical form "perfect gerunds in -nu / -un + conjugated ligament" and the so-called "passive turns" are one of the main ways of expressing the state of the subject in the Lak language in the constructions of different sentence models.

S.B. Kakvaeva

POLYFUNCTIONALITY OF THE PERSONAL CONJUGATION INDICATORS IN THE LAK LANGUAGE

Keywords: rematizer, communicant, syntactic function, phonetics, gerund, Lak language.

In the article, the multifunctionality of the indicators of personal conjugation in the Lak language. One of the functions of which, is the designation of the rem in the sentence. In the role of rematizers, the indicators -pa / -py / -ri and -yav / -ya can move from the predicate to other members of the sentence. In the works of researchers of Caucasian languages, various types of communicative highlighting of the most significant information are combined under the term "focus".

O.S. Sklyarova

THE CONCEPT OF LONELINESS AS THE SEMANTIC FOCUS OF THE TEXT IN THE ARTISTIC AND METAPHORICAL WORLDVIEW OF E. G. VODOLAZKIN (EXEMPLIFIED BY THE TEXT OF THE NOVEL "AVIATOR»)

Keywords: individual artistic worldview, the concept of LONELINESS, metaphorical representation, metaphorical model, frame, slot, hidden meanings.

The article shows the individual artistic worldview of E. G. Vodolazkin through the prism of metaphorical representation of the concept of LONELINESS as a cultural universal. A conceptual analysis of the text of the novel "Aviator" was performed, which resulted in three metaphorical models, i.e. frames, that conceptualize LONELINESS and create the semantic focus of the novel in its light. It is revealed that the concept of LONELINESS plays a plot-forming role in the author's artistic worldview.

A.Ya. Khusainova

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF TATAR TRANSITIONAL DIALECTS

Keywords: Migrant dialects, maternal dialects, extralinguistic factors, linguistic factors, Tatar dialect system, foreign-language environment.

In this paper, the relationship between the extralinguistic and the strictly linguistic factors in the classification of the resettlement of the Tatar dialects. System-structural features and extralinguistic factors of migrant dialects are studied and identified, which indicate the preservation of the original basis of maternal dialects.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№8 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 18.09.2020 Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 18.09.2020г.

10,1 усл.печ.л. 12,9 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3650.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»